

МАРИАННА КРАСОВСКАЯ

ЗЛОДЕЙ ЕЕ РОМАНА

18+

Марианна Красовская

Злодей ее романа

«Автор»

2019

Красовская М.

Злодей ее романа / М. Красовская — «Автор», 2019

Что делать Кощею Бессмертному в современном мире, где количество злодеев на квадратный метр зашкаливает? Когда злата накоплено столько, что ввек не потратить, когда твоя армия непобедима? Конечно, устраивать личную жизнь! А как быть, если молодая девушка заявляет, что давно в тебя влюблена? Конечно, бежать! Только не очень быстро, а то вдруг не догонит...

© Красовская М., 2019

© Автор, 2019

Содержание

1. Пролог	6
2. Сиротки	9
3. Странные гости	11
4. Черный человек	14
5. Дура	19
6. Полоса препятствий	21
7. Откат	29
8. Тропа войны	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Марианна Красовская

Злодей ее романа

Часть 1. Александра Прекрасная

1. Пролог

В полутемной комнате, в глубоком кресле у камина сидели человек и кот. То есть, конечно, человек сидел в кресле, а кот рядом, на подлокотнике. Кот был очень крупный и его пушистая черная задница то и дело соскальзывала то с одной, то с другой стороны, но когда котов волновала такая мелочь?

– Кощей, слышь...

– За базаром следи.

– Понял. Константин Адамович, жениться не хочешь? А то ты в последнее время совсем зачах.

– С дуба рухнул? На кой черт мне жена? Для красоты что ли?

– Ну дык это... тепло, кто-то ждет дома, заботится...

– Ты у ветеринара давно был, Баюн? Может, тебя в отпуск отправить? Ты заговариваться что-то стал. Давай-ка в санаторий, а? Головушку подлечишь.

– Кость, а я ведь серьезно. Сашка давно по тебе сохнет, с тебя глаз не сводит.

– К-какой Сашка? – у Кощея, до того расслабленно сидевшего с прикрытыми глазами, вытянулось лицо.

– Александра, debil, – хохотнул здоровенный черный мейн-кун. – Васьки Кусова сестра. Ну Васьки же, который у тебя один из лучших чародеев... в смысле, богатырей... в смысле, офицеров.

– А у него сестра есть? – ошалело спросил Кощей.

– Есть, есть. Хорошая девушка, умница-красавица. Присмотрелся бы. Эту и похищать не надо.

– Ой, кот. Когда я последний раз баб воровал? – недовольно поморщился Кощей. – Сейчас все проще: денег отстегни и любая за тобой побежит.

– Что-то я не наблюдаю рядом с тобой толпы осчастливленных дам, – мурлыкнул кот вкрадчиво.

– Надоело, Баюн. Скучно. Все они одинаковые. Да и беды все от баб этих.

Несмотря на нелестное мнение о женщинах, Кощей ужинать решил в общем зале.

– Ну и которая тут Александра? – прищурился он.

А поняв, вскинул брови.

Невысокая девушка в мужской одежде сидела между здоровенными бойцами подразделения «Богатыри» и, видимо, была среди них совершенно своей. Бойко отвечала на шутки, отчего мужчины постоянно взрывались громогласным гоготом, пару раз въехала локтем сидящему рядом парню.

Отчего-то это совершенно не понравилось мужчине. Словно почувствовав его тяжелый взгляд, девушка обернулась. Хорошенькая она вообще-то. Вздернутый носик, льняная косая челка, большие голубые глаза. Как есть русская красавица. Хотя у Василисы волосы черные были... вроде бы.

Неожиданно Кощей осознал, что образ женщины, которую он когда-то любил до безумия, потускнел и изгладился из его памяти. Да и шутка ли – почти тысяча лет минула. А ведь думал – навсегда, навечно. Думал, единственная. Неужели время действительно лечит?

Или просто жизнь так круто изменилась, что былое минуло безвозвратно?

Ушли времена, когда злодеев ненавидели и старались истребить. Канули в лету искатели правды, великие князья один за другим покинули этот мир. Теперь зла вокруг было столько, что любой сказочный злодей казался не то, что не злодеем, а даже положительным героем. Да и выродились они, злодеи. Вон Яга давно уже не в лесах живет, а сетью элитных домов престарелых заведует.

А что ей в лесу делать? Добры молодцы к ней за советом не ходят, девиц сбежавших в лесу теперь МЧС ищет, клубочки всякие, да гребни... ну скажите, что сделают с человеком, который за клубочком идет? В лучшем случае у виска покрутят. А то и в психушку запекут.

Горыныч где-то в заповеднике на Алтае схоронился. Лешие, пожалуй, еще при делах, домовые как-то выкручиваются, а русалки тоже по заповедникам попрятались. Кому хочется жить в воде, когда там ПДК тяжелых металлов в сотни раз превышено?

Кощей всегда любил две вещи – власть и золото. И того, и другого сегодня у него было в избытке. И если деньги еще, пожалуй, его несколько интересовали, то власть давно приелась. Да и денег у него было уже неприлично много. За свою очень, очень долгую жизнь Кощей вдоволь напутешествовался, посмотрелся на всякие диковины, освоил немало ремесел и боевых искусств, немного поиграл в политику, собрал великолепную коллекцию произведений искусства, стал спонсором нескольких кинофестивалей, выучил почти все иностранные языки и, наконец, снова осел в России.

Теперь у него была небольшая, но очень интересная и востребованная армия.

Оборотни, потомки богатырей, подразделение румынских вампиров, пара индейских шаманов и прочие нелюди с выдающимися способностями, которым не нашлось места в современном мире. Некоторая часть из них жила, как и Кощей, в лесной базе. Часть находилась на службе у правителей разных стран или у очень богатых людей, которые могли себе позволить идеального телохранителя. Часть – и немаленькая – те, кому удалось найти пару, жила мирной жизнью, получая пенсию. Сказочные нелюди предпочитали жить по старым канонам, больше всего на свете ценя семью. За своих жен и детей они без колебаний готовы были отдать свою жизнь. Своих Кощей не бросал, и в любой момент «пенсионеры» могли вернуться на базу. В конце концов, здесь было все необходимое для жизни – и школа, и свои врачи, и отдельные домики для семейных, и кинотеатр, и даже пара магазинов. Впрочем, большая часть бойцов предпочитала обитать в общежитии, а обедать в столовой.

У Кощей были свои апартаменты, но и он обычно обедал и ужинал со своими – так сказать, выходил в люди (точнее в нелюди).

Проклятый кот!

Навевал несбыточное! На то он и Баюн, что всякую дичь впаривает, а точнее, сказки бает.

Семья – это то, чего у Кощей никогда не было. Жена – была. Марья Моревна – красивая женщина, но стерва невыносимая. Жадная как сам Кощей, скандалистка и пьяница, с крайне тяжелой рукой. А то ж, богатырша. Развод с ней стоил Кощей немалой части накопленных богатств. Свой краткий брак он и вспоминать не хотел.

Зато день, когда он впервые увидел Василису, он помнил преотлично. Тогда еще были на Руси леса дремучие, ручьи студёные, звери непуганные. Любил в то время Кощей, волком обернувшись, зайцев погонять. Вылетел за быстроногим на полянку лесную да пропал. Собирала у ручья разрыв-траву девушка в голубом сарафане с черной косой до колен. Глянула на него глазами колдовскими, улыбнулась устами алыми, так сердце и забилося... Долго Кощей не думал – закинул ее на спину да бежать. Поначалу, конечно, Василиска плакала да кричала. На подарки и глядеть не хотела, от еды отказывалась. А потом поняла, что никто ей зла не желает. Стала и беседы вести, и на прогулки с ним ходить. Учил ее Кощей премудростям разным – зельеварению, языку зверей и птиц, колдовать понемногу. Ум у Василисы был острым, память превосходная, магические способности от бабки-знахарки перешли.

Да только не захотела она Кощей полюбить. По своему Ивану Царевичу убивалась. И то сказать, не пара она ему была. Царевичу, конечно, не Кощей. Кощей-то ее любой готов был взять. А царевич с дочкой купца только поиграть в любовь мог, а женился бы все равно на ровне. Василиса на что премудрая девка была, а этого не понимала. Ждала. Конечно, Кощей мог бы поспособствовать такому браку – сложного-то ничего – но Василиса ему самому нужна была.

Обманула его девушка. Улыбалась ласково, глазками стреляла, краснела невпопад, да рукой его задевала. Кощей уж и мечтать о таком не мог. Да только не он нужен был Василиске, а зелье его обратное. Украла ключ от лаборатории, выпила зелье, да, лягушкой оборотившись, исчезла.

Мало ли лягушек на болоте? А Кощей терпелив, он же бессмертный. Он подождет. Надо-ест лягушкой прыгать, прискачет. А пока болотце ее охранял, да наблюдал издалека. И донаблюдался. Привела-таки судьба-злодейка Ивана на болото. Скрипя зубами в бессильной злобе, наблюдал он за любовью истинной.

А ведь вернулась. Иван, болван, из шкуры ее вытянул, а шкуру сжег. Хороша лягушка без шкуры лягушачьей. Погибла бы Василиска без зелья особого, а где его в царском тереме взять? Как ломать ее стало, так и вспомнила о Кощее, позвала. А он и рад стараться. Все к ее ногам, и сам у ее ног.

Отпустил.

Видел – жить не хочет без Ивана. Выбор несложный был – мертвая Василиса в его руках или живая где-то... далеко. Но живая. Ох и плохо ему было, ох и больно! На много лет завладел его душой мрак. Немало девиц в его спальне побывало, пока он не понял: все они – не Василиса. Некоторые руки на себя наложили, некоторые сами убежали, некоторым денег дал да выгнал.

Сожалел ли он об этом? Он и сам не помнил.

В современном мире проще – любую женщину купить можно. Да нет таких, с которыми бы хотелось продолжить общение, кого можно в дом привести. Красивые – были. Умные – были. Были танцовщицы с телом, гибким как змея. Были известные актрисы. Были и царских кровей. И ни одна не хотела остаться хоть на один день после окончания контракта. На нелюдей же Кощей наводил иррациональный страх, оборотницам или мастерицам даже помыслить об отношениях с Бессмертным в голову не приходило.

Долгое время Кощей полагал, что его женщина, истинная, единственная, давно потеряна. Знать, крест его таков – всю жизнь одиноким быть.

Александра, значит.

Поднял архивы – детдомовская. Из семьи один брат Василий. Родители погибли при крушении поезда, родных больше нет. Родители непростые – отец от Марьи Искусницы род ведет, мать из оборотней. Нашли друг друга. Стало быть, и колдовством владели, и жизнь у них могла бы быть долгая, и здоровье отменное. Но не вышло сказки доброй.

Василию было десять, Саше восемь, как осиротели. Друг за друга держались, в обиду не давали, так и выжили. Когда Васька на глаза Черномору попался – сестру уговорил с собой забрать.

Много их, детдомовских, Черномор на базу привозит.

2. Сиротки

У Саши в жизни было две проблемы – ей было четырнадцать, и она была девочкой. Пока Васька рядом, ее не задирают. И смотрят сальными глазами, и в углу зажать могут, и слова похабные говорят, но дальше дело не идет. Знают, что Васька за сестру любого искалечит. Вроде тихий, спокойный подросток, а боятся его парни. Есть в нем что-то опасное. Посмотрит глазами ледяными и любой обидчик шарахается. В драке Васька страшен. Правил для него нет – и лежачего бьет, и ниже пояса, и укусит. Дважды его били всей толпой. Второй раз увезли на скорой – а с ним еще пятерых мальчишек. Кого с переломами, кого с оторванным ухом, кого с пробитой головой. После этого Ваську не трогали – себе дороже.

Саша всегда держалась рядом с братом, так что многие ее считали мальчиком. Короткая стрижка, одежда брата, исцарапанные руки. Воспитатели сначала пытались их разделить, но быстро махнули рукой. Они только спали в разных комнатах, Саша – с девочками, Василий – с мальчиками. Девочки Сашу не любили, но и не обижали. Почему так, Саша и сама не понимала. Все новенькие проходили процедуру «вливания в коллектив», но в Сашину сторону никто не посмотрел. У нее не пропадали вещи, ей не выливали воду в постель и не портили тетрадки. Ее просто не замечали.

А еще Саша всегда знала, что она не совсем человек. С детства родители мягко объясняли ей, что люди бывают разные. Но «Не таких» люди не любят, и лучше свои особенности скрывать. В Василии было немало от оборотницы-матери. Мать могла оборачиваться лисицей, но Васе способности передались частично, он только и умел зубами щелкать ловко, да обоняние у него было намного лучше обычных людей. У Сашки же было очень острое зрение и любое рукоделие в руках спорилось.

Тяжко пришлось домашним деткам в детдоме. Много плакала Саша ночами, все не могла поверить, что мамы с папой больше нет.

Папа был большим, светловолосым, с огромными уютными руками. Мама же напротив, маленькая, рыжеволосая и вся в веснушках. Васька в маму пошел, а Саша – папина дочка. С длинной светло-русой косой, с голубыми глазками, носиком пуговкой – куколка да и только. Так ее родители и звали – куколкой своей.

Нет больше родителей, да брат есть. Пока есть. Через две недели Ваське исполнялось шестнадцать лет, и он должен был покинуть стены детского дома. Поданы документы в ПТУ, будет комната в общежитии. И никого у Саши не останется.

Страшно было до одури. Васька в свои шестнадцать, хоть и высокий, но на вид ребенок, да еще рыжий-конопатый. А Саша уже где надо (хотя рано, рано!) округлилась, вытянулась, блеск в глазах появился какой-то особенный (по мнению Васьки, конечно), и вообще для парней стала красавицей. А ей и не надо этого. В доме, где немало подростков, интимные отношения, хоть и запрещены категорически, всегда присутствуют. У кого по любви и согласию, у кого из страха и принуждения. Из всей своей комнаты Сашка одна осталась нетронутой.

Последние полгода ее все чаще посещала мысль, что надо с кем-то из старших мальчиков завести роман. Лучше один парень по согласию, чем групповое изнасилование в кладовке. Да только все были ей противны. Но стерпела бы, если бы не текучка. Мальчики постарше в шестнадцать уезжали, пришлось бы искать другого «покровителя». Словом, не ее вариант.

Оставался только побег. Однако воспитатели в последнее время с нее глаз не спускали, догадывались, очевидно, о ее намерениях. Васька кусал губы, краснел, бледнел, а утешать не спешил. Помочь он сестре пока ничем не мог – сам уходил с папкой документов и парой запасных джинсов. Больше у него ничего не было. Дом в деревне, от родителей оставшийся, был, но кто его знает, что с ним за последние годы стало. Но раз дом был, в жилье Кусовы не нуждались.

«Ты, главное, Сашка, полгода продержись, – говорил брат. – А там я тебя выкраду. Почку продам, в рабство пойду, но вытащу тебя отсюда»

Видно было, что был у брата план, но Сашке он ничего не говорил, не хотел зря обнадеживать.

Но правду говорят, что «не таких» судьба хранит. Первый раз Кусновым повезло, когда их решили не разлучать. Второй раз – когда в детдом новая учительница технологии устроилась. Сашку за ее талант к вышивке она выделяла, заботилась как умела, хотела и удочерить, да не дали. Своего жилья у Ольги Викторовны не было, замужем она не была, вот опека и не пропустила. А недавно ее отправили на повышение квалификации в Москву, как раз, когда Ваське уходить нужно. Специально отослали, разумеется. Ольга бы, пожалуй, Сашке сбежать помогла.

Но оказалось, и ее неожиданная и нежеланная командировка была знаком судьбы.

3. Странные гости

Ночь Сашка не спала, и Вася не спал. Завтра ему исполнится шестнадцать, а послезавтра ему придется оставить сестру одну.

Только бы удалось!

Давно, очень давно отец рассказывал ему, что есть место, где любой «не такой» может укрыться. Но какой ценой – не говорил. Говорил, что люди в этом месте злые, что служба там смертельно опасна, что главный – первейший злодей и убийца. Теневая группировка, банда, мафия. «Никогда, – говорил отец. – Никогда, сын, не верь, если придет к тебе человек с особыми способностями и предложит что-то. Душу свою потеряешь, руки в крови намочишь»

Больше всего сейчас Вася хотел найти этого человека. Душу, руки в крови... Пусть, лишь бы Сашку уберечь.

Много ночей Василий просидел в интернете – ключ от компьютерного класса принесла ему Ольга Викторовна, и пароль она же дала. Кропотливый поиск давал неутешительные результаты, только намеки. В одном он убедился – организация есть, и найти ее, наверное, можно. Да только не парню, у которого и компьютера-то нет.

Утро наступило хоть и вовремя, но все равно очень быстро. Однако отчего-то детей не спешили звать на утреннюю пробежку. Взрослые бегали, сустились, спешно перестилались кровати, девочек заставили протирать пыль. Мальчиков отправили вешать новые шторы в столовой. Завтракали второпях. Ясное дело – либо инспекция, либо спонсоры.

В любом случае, идеальное время, чтобы сбежать. Сашка, протиравшая пыль в коридоре, делала страшные глаза и кивала головой в сторону кладовки, но у Васи совсем не было возможности с ней поговорить. Его и еще четверых парней вызвали в кабинет к заведующей. Кабинет был небольшой, мебель не новая, но добротная. Кто же новую мебель к себе в кабинет поставит – все деньги по назначению уходят. Потому и обои не переклеивают, и линолеум не сменили – образцово-показательный кабинет.

И кресло у заведующей было потертое, еще с советских времен. Добротное, с металлическим каркасом, мягкое, комфортное – но с потертой обивкой и образцово-показательными заплатками. В кресле сидел коротко-стриженный мужчина лет пятидесяти, с бульдожьим лицом в очках и дорогом пиджаке.

Вася мгновенно понял, что ему опять крупно, фантастически повезло. Человек был не человек. Он и сам не понял, отчего он так решил. Но этот мужчина был человеком не более, чем сам Вася. А, пожалуй, даже, и менее. И без сомнения, нечеловек был профессиональный военный. Он был большим и каким-то квадратным, но совсем не толстым. Широкие плечи, на которых едва не лопался шитый на заказ пиджак, крупные и очень спокойные кисти рук – совсем как у отца, цепкий взгляд, сетка шрамов на скуле – как будто кто-то (не кто-то, а оборотень конечно) лапой цапнул. Давно. Лет двести назад.

Вася много лет не видел таких, как он. Наверное, с момента смерти отца. Он и сам не понимал, как ему удалось за тот краткий момент, пока его не оттеснил за спины остальных парней кабан Синицин, увидеть так много. Но одно он знал абсолютно точно – они с Сашкой уйдут с этим нечеловеком.

Заведующая, грузная женщина лет пятидесяти, чье имя Вася старательно забыл, как-то суетливо представила гостя:

– Мальчики, это Чернов Павел Егорович. Он хочет рассказать вам о службе по контракту.

И, словно боясь, что ее перебьют, хотя Вася явно понимал, что Чернов еще не наглаголся, начала тараторить:

– Синицын Дима, он у нас спортсмен, борец. В секции самбо. Дима очень хочет служить в армии.

Ага, боец – поморщился Васька. Не столько боец, сколько местная мафия. С такими кулаками ему только бойцом и быть. Ему даже в ПТУ учиться сложно будет.

– Алеша Силантьев у нас тоже спортсмен, баскетболист. Учится хорошо, добрый мальчик.

Очень добрый. Примерно как гиена, которая только и ждет, когда ты упадешь, чтобы вцепиться тебе в горло.

– Тимур Аймуратов – прирожденный лидер, умный, способный мальчик, – заливалась соловьем заведующая.

Не врет. Очень способный. И лидер. Лидер ОПГ. Проклятый татарин, он среди парней главный.

Про четвертого Василий не слушал, потому что незачем ему было знать, какой из себя человек, которого он рано или поздно убьет. Именно его он оторвал от Сашки в кладовке. Пусть хоть бабочек разводит, хоть собак бездомных лечит – это его не спасет. Слухом Васька обладал отменным и все слова и планы насчет Сашки слышал, но сделать паршивцу ничего не мог. За тяжкие телесные его быстро в колонию для малолетних упекут. Так что подождем, неизвестный герой, подождем.

– А это Вася Кусов, наша гордость, – радостно вещала заведующая. – Золотая голова. В спорте особых успехов не показал, зато в компьютерах хорошо разбирается, учится отлично, спокойный, усидчивый мальчик.

Словом, сказала всё то, что военному говорить не следует. Вася, выдвинутый вперед, спокойно смотрел в глаза Чернова. Как-то незаметно заведующая пропала, предложив мальчикам обсудить предложение Павла Егоровича наедине. Хитрый татарин Аймуратов незаметно схоронился за шкаф – очевидно, Чернов ему совершенно не понравился. У Тимура была отменная интуиция – глядя на него, сдулись и остальные парни. Вася же напротив взял стул и сел рядом со столом заведующей.

Чернов молчал, только вздернув черно-белую бровь от такой наглости.

– Я согласен на ваше предложение, – сказал парень. – Но нам нужно взять еще одного человека.

– Которого из них? – с интересом спросил военный.

Голос у него был густой, низкий. Не оборотень. У оборотней зверя в голосе слышно. Да и запах абсолютно человеческий.

– Из них никого, – уверенно ответил Василий. – Я возьму сестру.

– Девочки мне не нужны, – отрезал Чернов.

– Эта нужна.

Вторая черно-белая бровь поползла наверх.

– Ты считаешь, мальчик, что я предлагаю тебе золотые горы? – с интересом спросил мужчина.

– Я думаю, вы предлагаете мне потерять душу и обагрить руки в крови, – усмехнулся парень.

Мужчина нахмурился, потер лоб.

– Где-то я это уже слышал, – пробормотал он.

– Так мой отец говорил, – сообщил Василий, безмятежно глядя на явно растерянного Чернова. – Кусов Данила Сергеевич.

– Хорошо, возьмем твою сестру, – неожиданно быстро сдался военный. – Еще есть тут такие как ты?

– Только она.

– Можете идти, – кивнул на дверь Чернов. – А ты с сестрой собирай вещи.

Парни вывалились в коридор, выдохнули.

– Я всегда знал, что у тебя, Кусов, железные яйца, – сказал татарин. – Я бы конечно, решил, что ты псих, если бы не знал, что ты умнее, чем притворяешься. Господи, какой страшный человек.

На висках у татарина блеснули капли пота.

– Ну не такой уж и страшный, – возразил было Синицын, но был одернут Тимуром.

– Молчи уж. Ты небось решил, что тебя служить в элитную часть зовут? Как бы не так. Мясо им нужно. Те, у кого никого нет, кого никто не хватится.

Сам не понимая зачем, Васька возразил татарину, которого хоть и не любил, но уважал и побаивался.

– Брось, какое мясо! Маловаты мы для мяса.

– Конечно, – согласился татарин. – Сначала выдрессируют, вырастят, а потом на смерть отправят.

Васька внимательно взглянул на татарина. Его чрезмерная проницательность настораживала. Неужели тоже... не такой? Но на вид Аймуратов был обычный Аймуратовым, каким всегда был. Обыкновенный невысокий татаро-монгол с узкими хитрыми глазками.

– А что же Кусов так не испугался? – не унимался Синицын.

– Ты, Димка, молчи лучше, – вздохнул татарин. – Не понял, что ли – сестру ему надо вытащить. А я говорил к ней не подходить, говорил, Вовчик? Ты, скотина, не слушал? Ну вот теперь бойся Кусова, Кусов тебя из-под земли достанет. Если выживет, конечно.

– Да кто ты такой? – не выдержал Васька, схватив татарина за плечи и заглядывая ему в глаза.

– Я никто, помни это, Васенька. – тихо сказал татарин. – И Чернову про меня не говори. Пожалуйста.

Уезжали из детдома все же вчетвером. Васька с Сашей на заднем сидении большого черного джипа. На переднем затравленно сверкал глазами Тимур.

– Да, трое, – отрывисто говорил в трубку Чернов. – Да, большая редкость. Один змей, другой пока не понял.

Змей, надо же! Ну Тимур, ну конспиратор!

4. Черный человек

Девочка на заднем сиденье кусала губы, ерзала, вертела коротко стриженной белой головой. Вначале Чернов принял ее за подростка – несурзные джинсы, растянутый свитер, мальчишечья походка, руки в карманах. Прошел мимо нее, не заметив. Не заметив! Он, глава службы безопасности корпорации «Лукоморье», не заметил подростка! Просто прошел мимо, не увидел, не бросил даже взгляда. А ведь даже змееныша разглядел, хоть тот и прятался знатно. Кто-то выучил его держать блок, постоянно, инстинктивно. Чернов был уверен, что Тимур и во сне блок держит. Неосознанно. Кто-то видимо здорово напугал его когда-то. Если б не подслушанный разговор в коридоре, он бы его тут и оставил. Уж больно старательно прятался. Не хочет, не надо, мы никого не держим.

Но каков! Лидер, абсолютный лидер среди этого сброда. А ведь даже Василий к Тимур у не испытывал отрицательных эмоций. Нет, нельзя было такого упускать. Надавил Чернов на пацана, подмял под себя. Ничего, Константин Адамович разберется.

А девчонка внезапно оказалась хорошенькой, как кукла. И отлично отводила глаза. Нет, он бы ее и так взял с собой. По Василию видно было – не пойдет без сестры, да оно и понятно. Но это «не заметил» царапнуло. Специально раз, другой по коридору прошел – оба раза «не заметил». Слово и не человек, а ваза. Или тумбочка. То есть человек, но совершенно ненужный. Поглядел и сразу забыл. Каааак интересно! Толку конечно от нее немного, девчонка не боец, не шпион, не снайпер – Чернов был ярим противником женщин в армии. Но разобраться стоило.

Ехали долго. Дети заснули, проснулись, поели в придорожной забегаловке и снова заснули. Чернов умел долго не спать, да и концентрацию не терял. К исходу второго дня свернули в лес.

Как Сашка не вглядывалась в окно, так и не поняла, в какой момент прозрачный, стремящийся в небо сосновый бор сменился темным ельником. Потом узнала – границу владений корпорации «Лукоморье» сможет пересечь не каждый. Лешие постарались, спрятали. Только что от тяжелых мшистых елей было темно – и вот уже в розоватом предзакатном свете небольшой поселок. Сначала небольшие деревянные избы, потом по вымощенной камнем мостовой к центру, где приземистые трехэтажные длинные дома. А в центре – Сашка не поверила своим глазам – небольшой готический замок из черного камня. Все как полагается – со стеной вокруг, с башенками, с подъемным мостом, с рвом вдоль стены.

По опущенному деревянному мосту прогрохотали прямо к замку – девушка только головой крутила. Да кто ж такое выдумал! Стена в три человеческих роста, на зубцах вороны, прямо Тауэр! Двор несколько разочаровал. Большой, вымощенный гранитным камнем как красная площадь, совершенно пустой, не считая двух косо припаркованных машин. Чернов вышел, устало потер лицо руками. Шутка ли, в таком почтенном возрасте за рулем двое суток! Сашка последний день все следила, не уснет ли. Страшно. Не уснул, выглядел бодрим.

Из замка выходили люди – в основном мужчины, все высокие, мощные. Одеты одинаково, да не одинаково. Все в камуфляжных штанах, футболках и берцах, но у одних штаны рыжие, у других зеленые, а у третьих серые. Футболки тоже у всех разные – черные, синие, серые, с цветными нашивками, у кого-то с рукавами, у кого-то без. да и обувь, пожалуй разная. Отличается и толщиной подошвы, формой, высотой – глазастая Сашка быстро углядела отличия. На первый взгляд все в форме, как на подбор. А стоит приглядеться, становится понятно, что подразделения разные.

Кто-то подходил к Черномору, как окрестила его Саша, здоровался, внимательно разглядывал их. Кто-то кивал приветственно. Но большинство обходили его по широкой дуге.

А Черномор кого-то высматривал. Наконец найдя жертву, окликнул:

– Десятник Лисин, подойди ко мне!

Лисин! Это ж мамина фамилия! Сашка кинула взгляд на брата – тот тоже напрягся.

Прогулочным шагом, не торопясь, убрав руки в карманы, всем своим видом показывая, что он совершенно не боится грозного дядьку, к ним подошел высокий и совершенно рыжий парень. Такой же рыжий, как Васька. И весь в веснушках как Васька. Как мама была. На этом, впрочем, сходство заканчивалось. Глаза у парня были карие, внимательные. Да и вообще, несмотря на показную расхлябанность, он был весь как взведенная пружина.

– Вот, Игнат, пополнение, – добродушно сказал Черномор. – Иры Лисиной детки.

Игнат нахмурил лоб, явно не понимая, кто такая Ира Лисина.

– Дочка Семена, брата твоего отца, – пояснил Чернов, сжалившись. – Стало быть, твоя родня – племянники. Стая твоя. Тебе и смотреть за ними.

Лицо Игната сначала появилось удивление, затем восторг. Радостно взревев, он стиснул в объятиях Черномора, потом сграбастал Ваську и Сашу.

– Век не забуду, Павел Егорович, – выдохнул чудной мужик. – Я должник ваш.

– Да брось, Лисин, – несколько смутился Черномор. – Не меня благодари. Это Ольги Мишкиной заслуга. Она Мишке про свою деточку все уши прожужжала, вот Константин Адамович меня и пнул в детдом этот.

– Это новенькая что ли? – уточнил Игнат. – Такая... библиотечка?

Оленька Викторовна здесь! Вот это счастье! Ну да, в своем закрытом платье и в очках Ольга натуральный синий чулок. Саша завертела головой, высматривая свою подругу, но ее нигде видно не было.

Тем временем Игнат принялся знакомиться с прибывшими. Начал с Тимура, подал руку Ваське и наконец протянул и Сашке.

– Игнат, – радостно представился он.

– Саша, – нарочно назвалась неполным именем. Догадается ли?

Не догадался. Руку стиснул, чуть ли не сломал.

– Сейчас, ребятки, вас накормим и в душ, – едва не прыгал от счастья рыжий. Да что это с ним?

– Сегодня переночуете у нас в общежитии, койки есть свободные, а завтра решим, что с вами делать.

– Уймись, Игнат, – весело сказал чем-то довольный Черномор. – Тимура и Васю забирай, а Александру пока в гостевую комнату определим. Нечего девчонке в мужской общежитии делать.

Растерянно хлопающий глазами и стремительно краснеющий Игнат Сашку позабавил, но оглядывая двор, она увидела гораздо более интересного человека. Мужчина лет пятидесяти, в черной футболке с черепами и черных же сильно потрепанных джинсах сидел на камне возле входа с банкой пива в руках.

Он был абсолютно лыс, довольно упитан и очень грустен. В черных глазах его плескалась какая-то безумная усталость, узкие губы то и дело сжимались. Некрасивый. Немолодой. Но что-то в нем притягивало взгляд – возможно, абсолютное спокойствие. А может быть, непоколебимая уверенность в себе и аура власти. Всё вокруг принадлежало ему – Сашка ни на минуту не усомнилась.

«Друг мой, друг мой, ты очень и очень болен. Я не знаю, откуда взялась эта боль. То ли ветер свистит над пустым и безлюдным полем, то ль как рошу в сентябрь осыпает мозги алкоголь¹», – пробормотала Сашка, запоем читавшая Есенина.

– Что? – недоуменно спросил Игнат.

– Спрашиваю, кто там в черном? – вздохнула Саша. – Интересный муж... человек.

¹ Строки из стихотворения «Черный человек» С.Есенина

– А это, Сашенька, наш босс, Константин Адамович Бессмертный, – просветил ее ново-
явленный родственник.

– Ух ты как! – восхитилась девушка. – Бессмертный! Прямо как Кощей!

– А это и есть Кощей, – спокойно сказал Игнат.

Сашка хотела бы задать еще много вопросов, но жизнь в детском доме научила ее сначала думать, потом говорить.

– Интересно, а понял ли он, что я девочка? – внезапно подумала Саша.

На сказочного злодея Бессмертный был не похож ни внешностью, ни поведением. Человек как человек, даже не очень старый. Золотом не увешан, особой статью не отличается, пиво вон пьет.

Впоследствии Сашка поняла, что ошиблась, считая Кощея безобидным пенсионером. Во время тренировок он иногда выходил на полосу препятствий или спарринг с бойцами – и победить его не мог никто. Наблюдение за Бессмертным стало излюбленной Сашкиной забавой. Она угадывала его настроение, безошибочно определяла, когда у него появлялась очередная женщина – и когда она ему надоедала. Женщин он на базу не водил, конечно. Со здешними дамами романы не крутил. Просто было что-то в его поведении... То он пропадал на пару дней, то улыбался рассеянно, то напевал, то сидел в телефоне не отрываясь. Потом улыбки пропадали, Кощей становился раздражительным, приходил на тренировку, скидывал рубашку и колошматил десяток бойцов.

Сашка, со своей нерастроченной энергией и немалой силой, полученной от матери, долго ныла и скандалила, и добились-таки, чтобы ей позволили тренироваться вместе с Василием. Не для того, чтобы действительно чего-то в этих самых тренировках достичь, а чтобы в такие вот моменты иметь возможность совершенно открыто наблюдать за этим странным мужчиной, любоваться, как под кожей его перекачиваются мускулы, а черная татуировка китайского зверя будто оживает. Хотя девочка была даже выносливее и быстрее брата, а за счет невысокого роста (брат-то быстро вымахал до 190 см) и довольно хрупкого телосложения многие упражнения давались ей успешнее.

Единственное, что категорически запретил дядька Черномор девушке – тренировки с холодным оружием. Поэтому на фехтовании и драке ножами она смирно сидела на лавочке. А жаль – Кощей и в фехтовании часто становился напротив своего бойца и безжалостно размазывал его по плацу. Драки с деревянным шестом ей тоже не давались – балансировать тяжелой длинной палкой получалось откровенно плохо. Зато Сашка метко стреляла из любого оружия, особенно ей нравилась снайперская винтовка.

Из девушек боевой подготовкой вместе с Сашей занималась только Ли Тянь – маленькая японка неопределенного возраста. С Сашкой она водиться не хотела, была одиночкой. Отчего-то Черномор не стеснялся привлекать ее к боевым операциям. Сашке было сразу сказано, что ей это не светит.

У Кощея была великолепно подготовленная маленькая армия, специализирующаяся на сложных конфликтных ситуациях. Их привлекали для освобождения заложников, для поисков каких-то ценностей на территории военных действий, порой и просто для разрешения бан-
дитских разборок. Были у Кощея и киллеры, в число которых входила Ли Тянь. Была группа разведчиков, в которую определили Тимура. Васька и Саша числились за десятком Игната – боевиками. Их тренировали выживать в экстремальных условиях, которые им с радостью организовывали лешие и кикиморы.

Хотите болото с крокодилами и тучами гнуса? Легко! Хотите ядовитых змей? Пожалуйста. Африканскую жару? Ледяной дождь? Песчаную бурю? Хотя с песчаной бурей не сложилось, их вывозили в Африку. Сашку не взяли.

Она не очень и расстроилась, тем более, господин Бессмертный ради таких мелочей базу не покидал.

Впервые у нее появились подруги. Женщин здесь было немного – Кощей не стремился к благотворительности и не кормил бесполезных людей, а использование женщин в боевых операциях не практиковалось.

Несколько поварих были давно и прочно замужем за ветеранами, у двоих из них были взрослые дочери и внуки. Еще были три учительницы средних лет, одна Ольга Викторовна, заполучившая в мужа оборотня и нянчившая двоих малышей-медвежат. Как правило, дети, рождающиеся на базе, росли здесь лет до десяти-одиннадцати, а потом вместе с родителями переезжали в большие города – чаду старались дать лучшее образование. На базе оставались те, кому идти было некуда.

Одна из местных русалок, обитающих в озере, завела роман с местным и родила девочку без хвоста, с ногами – крайне редкое событие. Русалки на редкость любвеобильны, но детей имеют немного и в основном подобных себе. Девочку русалка выкормила, отдала отцу и больше о ней не вспоминала – ну нет у русалок материнских инстинктов. Они и не люди вовсе, а сказочная нечисть. Так у Черномора появилась внучка Виктория, на два года младше Сашки.

Маленькую оборотницу Лию в свое время отобрали в поезде у цыган и привезли сюда – а куда еще? Лесную ведьму Руслану привела бабка, заявившая, что из девочки получится отличная целительница и травница, но со зверями она не ладит и в лесу жить не сможет. И наконец совершенно непонятным образом на базе поселилась чистокровная человечка Елизавета, ботаник. Она каким-то образом смогла докопаться до Кощей и получить доступ к его травникам. Обжилась, уезжать не собиралась, писала статьи в известные журналы по удаленке и выписывала себе книги почтой. Как-то незаметно она занялась переборкой, классификацией и восстановлением старых книг в библиотеке замка и Кощей, пожав плечами, поставил ее на довольствие.

Саша легко и быстро подружилась со всеми. Виктория, мало что наполовину русалка, была еще и внучкой Черномора – второго человека на базе после Кощей. Она была безнадежно избалована дедом, постоянно затевала какие-то авантюры, куда втягивала всех девчонок. А вступив в пору взросления, не давала проходу парням – сказывалась русалочья сущность. Когда дома был дед, а это случалось нечасто, или отец, служивший на военно-морской базе, она вела себя осторожно, но стоило Черномору уехать с очередным заданием – она практически не ночевала в своей постели. С Лией было интересно соревноваться в скорости или играть в прятки – все же чистокровные оборотни очень ловкие и хитрые, хотя и взрослеют медленнее. С Русланой и Лизой Сашка копалась в библиотеке, разбирала старые сундуки и иногда варила зелья.

В подвальных сундуках Сашка откопала интереснейшую вещицу – зеркальце на ручке. К ее огромному удовольствию, зеркальце иногда (все же вещь очень старая) показывало то, что хотела увидеть девушка, и ее знания о некоторых сторонах жизни людей (а точнее одного нечеловека) весьма обогатились. Зеркало было спрятано в комнате, из тайника извлекалось не чаще раза в месяц – именно такая была частота трансляций.

Скучать было некогда, жизнь у Сашки была отличная. Тренировки, занятия с нанятыми учителями – Черномор для внучки привез лучших, работа в библиотеке, за которую Саше положили минимальный оклад, болтовня с русалками в озере и ночные купания, дурацкие выходки Виктории и эксперименты Русланы, куча красивых парней вокруг, которые нередко закатывали вечеринки, где немногочисленных девушек всегда были счастливы видеть...

Неудивительно, что молодежь обожала Кощей (на расстоянии) и каждый здесь готов был за него жизнь отдать. Конечно, он не был белым и пушистым, устраивал скандалы, внеплановые проверки, строго карал нарушителей дисциплины – словом, развлекался как умел. Десятку

Игната частенько приходилось засыпать в своих постелях, а просыпаться, к примеру, в джунглях Амазонии или горах в Грузии – чтобы не расслаблялись.

После второго такого пробуждения Сашка собрала вещи и съехала из общежития в комнаты девочек – для них был выделен отдельный домик с кухней и лабораторией в подвале. Кухней, конечно, пользовалась в основном Руслана: зелья варила, травки сушила разные. Холодильник был всегда забит ее склянками. Но девушки есть девушки – могли под настроение и пирогов напечь, и торт, вообще ночью иногда хотелось есть, особенно после свиданий. Столовая-то была открыта до восьми вечера.

Черномор частенько возил Вику по магазинам, возил на море, машина у него была большая, брал и девчонок. Словом, не жизнь, а малина.

5. Дура

– И все-таки, Сашка, ты полная дура, – заявила Вика, вынырнув на некоторое время из телефона.

– Да вроде не полная, – рассеяно ответила Саша. – Зря что ли гоняю с парнями? Нормальная у меня фигура.

Вика фыркнула насмешливо.

– Вот с такой фигурой, и старая дева, как печально, – завела она старую песню.

– Какая старая дева в двадцать один? – привычно отмахнулась Сашка. – Успею еще.

– Серьезно? – прищурилась Вика. – Ты же ни одного мужика не воспринимаешь как потенциального кавалера.

Слово-то какое-то дурацкое – кавалер.

– Да воспринимаю, воспринимаю, – вздохнула Саша. – Одного уж точно.

– Фу на тебя, – буркнула Вика. – Тянет же тебя... на стариков. Надо к тебе к Яге на практику. Там таких престарелых полно.

– Что же ты тогда к нему подкатывала? – ехидно поинтересовалась Саша. – К старику-то?

Вика испуганно поглядела на Сашку – не злится ли? Нездоровая увлеченность Александры хозяйном базы была всем девочкам известна, хоть о ней и не разговаривали. Вика и в самом деле пыталась соблазнить Кощея – еще бы, такой экземпляр в ее коллекцию, но была уверена, что Саша не в курсе этого.

Но Саша смотрела спокойно, даже насмешливо, а значит, знала, чем всё закончилось.

– Интересно же, – призналась наконец русалка. – Ну да, и не старый он совсем... всего-то пять тыщ лет.

Девушки переглянулись и расхохотались. Действительно, не старый.

– Интересно, а он мамонтов видел? Или динозавров? – спросила Вика.

– А ты поинтересуйся у него, – предложила Саша.

– Да ты знаешь, мне не очень-то и интересно, – поежилась девушка. – Да и вообще... он меня так отбрил, что я себя малолеткой глупой почувствовала. В столовую боялась ходить, чтобы его не встретить.

Саша подняла бровь. Так вот в чем причина внезапного нытья русалки о недостатках фигуры и ее попытки готовить себе самой!

Хотя здесь, на базе, худые девушки не ценились. Наоборот, Вика – фигуристая зеленоглазая красотка с гривой черных волос до пояса – считалась, без сомнения, самой привлекательной женщиной. Да и за пределами базы у нее было немало поклонников. Ни одна девушка – ни натуральная блондинка Саша, ни маленькая (всего 155 см ростом) Лия, ни светлолицая Руслана – не могли, да и не пытались с ней конкурировать.

И тем не менее, Кощея Вика не просто не интересовала, он ее просто не замечал. Впрочем, Сашку он замечал ее меньше. Кто Сашка и кто Кощей...

– Видишь, Вик. Мы для него вообще никто. Как мыши.

– Ой, ты просто не пробовала, фыркнула Вика. – Любого, любого мужика можно соблазнить. Даже гая.

– Зато ты пробовала, – вздохнула Саша. – Уж если ты не смогла...

– Я только попыталась, Саш, – серьезно ответила Вика. – Не настолько он мне и нравится, чтобы включать тяжелую артиллерию. Да и опыта у него... на сотню таких как я. Но если б я захотела...

– То что? – равнодушно спросила Сашка.

Вика хитро улыбнулась. У нее были свои планы, ведь не зря она затеяла этот разговор. Сама она хитрить с Кощеем не решилась бы, а наивную Сашку вполне можно было втянуть в эту игру. Этот не посмотрит на дедовскую защиту, пинка под зад выдаст. Да и будет ли дед ее защищать? И его терпению есть предел. А Сашка такая дурочка, что ее даже не тронут. Да и вообще, может никто и не заподозрит подставы. Ну и Кощею за его обидные слова отомстить хотелось.

– Есть возможность воздействовать на него нестандартным способом, – медленно сказала русалка. – Через наведенный сон. Нужно только зелье подлить.

– Вик, ты нормальная вообще? – с жалостью поглядела на подругу Саша. – Кощею – зелье! Наведенный сон! Да он нас размажет по стенке. Тут просто изгнанием не ограничится. За такое он прихлопнет. Меня прихлопнет. Тебя-то может дед отмажет.

Вика только фыркнула.

– Я – нормальная! – надменно сказала она. – Как заставить его выпить зелье – это моя забота. Выпьет как миленький. И даже не подумает, что сон наведенный. Обычно сны наводят либо чтоб с ума сводить, либо чтобы предупредить. Кощея пугать смысла нет – он сам кого хочешь напугает. Так что защиты у него от снов нет, да ни у кого нет. А то, что баба ему приснится – тем более голая – так это любому мужику присниться может. Тем более, сколько у него женщины не было?

– Постоянной – года три, – отрапортовала Сашка. – А с базы он уже больше месяца не выбирался. Стой, а чего сразу голой?

– А ты его одетой соблазнять собираешься? – с интересом спросила Вика. – В костюмчике из секс-шопа? Да ты затейница!

– Я его вообще соблазнять не собиралась, – буркнула Сашка, залившись краской. – Я не готова к таким радикальным мерам.

– Тю! – фыркнула русалка. – Ну и сиди на попе ровно, жди у моря погоды. Сам он тебя никогда не заметит. И чего ты, дурочка, испугалась? Во сне с мужиком пообжиматься!

6. Полоса препятствий

Наблюдения за Александрой дали результат неожиданный. Девушка оказалась без сомнения привлекательной и какой-то прямо светлой, словно одуванчик. Кощей сам себе удивлялся – с чего бы его на столь романтические сравнения потянуло?

А ведь русалка, с которой она дружит, тоже ничего, но какая-то потасканная. Да и вся из себя слишком распутная. Телеса наружу, юбки по самое некуда, гривой своей в еду макает – русалка, одним словом. Дева, моралью не обремененная, в постели горячая, в жизни холодная. Кого-кого, а русалок Кощей в свое время перепробовал не мало. Скучные они, только одного и хотят. Ни поговорить с ними, ни посмеяться, ни погрустить. А эта наполовину человек, то есть еще и жадная. Нет, Кощей не считал жадность пороком, сам грешен. Но продажная любовь давно приелась.

Сначала, правда, вызывала восторг. Шутка ли – не надо женщину похищать, обхаживать, ждать чего-то. Захотел – в койку. Захотел – станцует и споет. Захотел – зайчиком попрыгает. Только плати. Хочешь негру, хочешь азиатку, хочешь самую первую русскую красавицу – любую купить можно. Как говорится: если женщина знает себе цену – значит, приходилось называть. Больше всех Кощею нравились француженки. В постели раскованные, смешливые, не жадные. А он им не нравился.

Видимо, было в Кошее что-то, женщин отталкивающее. Ни одна не хотела перевести отношения в постоянную стадию. Погулять многие соглашались. В ресторан сходить. Переспать пару раз. А потом «извини, ты не в моем вкусе, ты достоин большего, ты хороший, но я полюбила другого». Проклятье какое-то. И так со всеми. Больше трех месяцев выдерживали только самые жадные, но тут уж не выдерживал он. Мало приятного, когда на тебя смотрят как на ходячий кошелек.

А ведь пытался сменить тактику, искал женщину и в библиотеке, и знакомился с одинокими, плюнувшими на себя сорокалетними старыми девами, и с теми, кто едва концы с концами сводит, поднимая деток. Для кого-то он был слишком стар, для кого-то слишком эксцентричен, слишком спокойный, слишком нервный, не веган, не спортсмен, не домашний, слишком навязчивый, слишком занятой...

Интереснее всего было с совершенно отбитой байкершей, которая вытаскивала его в горы, в походы, на сплав по рекам в байдарках. Кощей даже купил мотоцикл и экипировку. Его не смущали боли в спине и частые простуды – три капли живой воды в чай и бодрячком. А вот периодические измены и аборт, сделанный втихую, его очень расстроили. И если на измены он всё же закрывал глаза, то после аборта видеть женщину он не хотел. Кощей был старомоден и не понимал, как может женщина убить своего ребенка. К счастью, ребенок был не от него, а то он бы дурную бабу и вовсе в жабу превратил.

Словом, если уж Кощей при великом разнообразии и доступности женщин не смог найти себе спутницу жизни, значит, она и вовсе не существовала.

Но Александра ему понравилась. Вызывающих нарядов не носила, как клоун не гримировалась, в особых сумасбродностях замешана не была – спокойная, домашняя девочка. Любит читать, разбирается в травах, учится где-то заочно на дизайн одежды. Внешне вполне себе симпатичный ребенок с серыми глазами, светлыми волосами и неплохой фигуркой.

Вот то-то и оно, что ребенок.

Вдохнул, выкинул из головы и пошел разбираться с новой полосой препятствий.

Давно уже Черномор жаловался, что нынешнюю молодежь проходит даже с завязанными глазами. Совсем, говорил, расслабились, распустились. А воин, который расслабился, склонен недооценивать врага и допускать ошибки. Ну Кощей и спроектировал им новую. Убийственную в прямом смысле слова. С летающими секирами, подвижными участками и прочими под-

лянками. Бессмертный мало что получил от разработки этой гадости истинное удовольствие, так еще и удачно продал чертежи. Некоторые отбитые на голову люди возжелали устроить бои на выживание – всегда пожалуйста. Тем более, у них нет ни магических лекарей, ни живой и мертвой воды, ни защитных заклинаний – еще и проблема с перенаселением планеты будет разрешаться.

Сегодня его прелесть привезли и уже начали монтировать. Детище его выглядело внушительно и смертоносно. Особенно летающие секиры. Столпившиеся вокруг войны смотрели на тренировочный комплекс с ужасом. А это они еще о втором, с симуляцией огнестрельного оружия, не знают. Его только начали делать.

– Ну что, хлопцы, страшно? – весело поинтересовался Кощей.

– Страшно, – почти хором согласились с ним бойцы.

А кто-то вполголоса добавил, что и вовсе непроходимо.

Этого-то Кощей и ждал.

– Что значит, не проходимо? – удивился он.

Скинул футболку и ботинки, плавно повел плечами, перетекая с одного места на другое. Краем глаза отметил присутствие Александры в первых рядах. Тьфу ты, а думал, отпустило!

Картинно (гордость мужская, да) потянулся – и взбежал по доскам. Как ни вертелся, как ни уклонялся – а все равно пару раз его шмякнуло. Довыдывался, красавец. На миг замерев от боли при жестком ударе бревном под ребра – хорошо, что вскользь, а то бы выкинуло – едва не лишился головы. Уклонился в последний момент. Его любимая секира даже кожу распоролла. Хорошо, что он бессмертный, да еще под заклятьем регенерации – голова бы приросла, да и царапина сразу зажила, крови немного было.

А вот от боли заклятье, увы, не помогало, да и ребра, кажется, поломало здорово. Вылететь с полосы при показательном выступлении не так уж и страшно – всегда можно свалить на недоработку конструкции, а вот свалиться на глазах у девушки, которая (не будем спорить с собой) тебе нравится – такого позора Кощей себе позволить не мог. Стиснул зубы, матюгнулся и добежал. Всего-то шесть с половиной минут.

А Сашка даже не испугалась. Он же... ну такой. Все может. Другие не смогут, а он сможет. Да и бессмертный он. И даже почти не завизжала, когда бревно его почти столкнуло, а потом секира чуть не добила – чудом извернулся, как кошка, которая с крыши свалилась. А может и завизжала, да вся толпа так ахнула, что голос ее потерялся. А сердце зашлось, наверное, от восхищения. Ничего, все закончилось. Зоркие Сашины глаза уловили гримасу боли на лице Кощея, и прижатый к боку локоть, прятаящийся огромный кровоподтек, и кровавую полосу на шее. Зажмурилась, вздохнула тяжело. Он бессмертный, он ничем не рисковал. Скотина! На глазах у девушек такое вытворять!

Кощей отошел, отмахнулся от лекаря – левой рукой – едва не взыв от боли. Подозвал зеленого от ужаса бригадира сборщиков, что-то ему сказал.оборотни-мастера рассыпались по полосе, где-то что-то подтягивая, подкручивая.

– Нормально, – громко сказал Кощей. – Теперь будет попроще. Дерзайте, хлопцы – лекарь рядом. На секиры пока защита поставлена – голову не отрубят, хотя стукнет сильно.

Ноги расставил, стоит, ждет.

Хорош, с-с-с-скотина. Рисует. Сашка и злилась, и восхищалась, и с удовольствием разглядывала мускулистый торс, испещренный шрамами. Заметила, что кровоподтек потихоньку рассасывается, и успокоилась окончательно.

Первые несколько бойцов вылетели на первом же этапе. Игнат, ловкий черт, дошел почти до секир – бревном его выкинуло и, похоже, здорово поломало. Тут же к нему подлетели лекарь и Русланка с обезболивающим настоем. Кощей покивал головой: видите – все реально, и медленно пошел к дому. Сначала будут травмы, потом научатся. Особенно оборотни – они ловкие и выносливые.

Обернулся напоследок, и обомлел от ужаса – на доски взбегала Сашка.
– Куда, дура? – заорал он, бросившись к полосе.

А Сашка, Сашка, в которой едва ли было сорок пять кг веса (а полоса проектировалась для здоровых тяжелых мужиков), уже летела в сторону и вниз, да так нехорошо, что совершенно точно сломала бы себе шею при приземлении. Если б не его сверхъестественная скорость, умноженная захлестнувшим адреналином, лежать бы ей на земле сломанной куклой.

Поймал, даже не заметив адскую боль в едва заращенных ребрах.

Все, что успела понять Сашка, вполне соответствовало крику Кощея. Дура, непроходимая дура, клиническая идиотка! Судя по всему, она все же умерла. Не от удара о землю, так от разрыва сердца. Иначе как объяснить тот факт, что сам Бессмертный держит ее на руках?

А вокруг тишина, птички щебечут... Посмертный бред.

А глаза у него не черные, а темно-карие, с отсветами пламени. Никогда Сашка не видела так близко его лица. Нос, пару раз переломанный. Сетка шрамов на левой щеке – старые, как белые полоски. Морщинки под глазами, на лбу складка. Ухо одно обрубленное сверху. А ресницы как у девчонки – черные-черные и загибаются кверху. А в бровях черных волоски седые. Саша подняла руку и погладила его щеку – гладкая. Никакой щетины. Видимо, не растет борода у Кощея. Поцеловать его что ли? Все равно уже всё кончено. А Кощей от ее ласки вдруг вздрогнул и заморгал часто-часто, а потом с ней поднялся и на ноги ее поставил.

Спокойно, ровным голосом (хотя орать хотелось и как минимум подзатыльник дать) сказал:

– Что же вы, Александра, так жизнь не цените? Впредь будьте осторожнее.

И отошел, прихрамывая.

Александра стояла, оглушенная, почти не видя, как к ней бросились парни из отряда и просто зрители. Вертели ее, ощупывали, в глаза заглядывали.

Ой, мамочки! Что же она наделала! Кощей погладила! Хорошо, что поцеловать не успела! А ведь он знает, как ее зовут!

Кощей, едва перебирая ногами, добрал до постели и, взыв, упал на кровать. Проклял ортопедический матрас – то ли дело раньше, в перину пуховую нырнешь, как в раю. А матрас этот упругий больно пружинил по ребрам. Надо больше тренироваться! А то совсем жиром заплыл. В следующий раз может так не повезти. Стиснув зубы, призвал мрак и запустил процесс регенерации. Больно до одури – выл, вцепившись зубами в подушку, но зато быстро. Чем быстрее, тем больше – у всего своя цена.

Через полчаса, пошатываясь от страшной слабости, встал, достал из потайного ящика в стене бутылку старого вина, удобно устроившись на подушках, щелкнул пультом управления, включая телевизор. Пощелкал камеры. Мда, лазарет переполнен. Бледные бойцы мужественно лежали в койках, ожидая перезарядки регенерационных амулетов. Посеревшие лекари пили отвратительно сладкий чай в коридоре. Морщились, но пили. Руслана с горящими от энтузиазма глазами заставляла одуревших раненых подписывать согласие на эксперименты с ее зельями. После того, как на глазах у Кощея у одного парня вырос нос как у слона, остальные вяло сопротивлялись. Рядом стояла Елизавета и снимала это безобразие на камеру.

Поржал от души. Переключил на уличный вид. Ага, вокруг полосы препятствий поставили охранную сигналку, молодцы, сообразили. И табличку «Не влезай, убьет» со скрещенными костями. За что Кощей любил своих ребят, так это за черное чувство юмора. В остальном все было как всегда: на заднем дворе разгружали фуру с овощами, на кухне большим топором повар рубил мясо, домовые сновали туда-сюда, готовя обед. В мастерских детишки что-то строгают под руководством бледного и перебинтованного Василия. Молодец парень, пока лечился весь (да и не удивительно), а на занятия приполз. Ответственный. Надо ему настойки прислать, помочь.

Василий вообще Кошеем был симпатичен. В отличие от импульсивного Игната, который чуть что, сразу взрывался, Вася всегда был спокоен, хладнокровен и молчалив. Еще несколько лет, и Васю ждет свой десяток – правда, не взрослых парней, а подростков. Он, скорее всего, будет отличным наставником – терпеливым, внимательным. Сейчас он, ремесленник из рода Марьи Искусницы, проводил у ребят занятия по работе с деревом. Спору нет, воин из Василия отличный, но ведь и мастер великолепный! И если воинов можно сделать из любого оборотня, то такого мастера днем с огнем не сыщешь. И кузнец, и плотник, и сварочный аппарат на досуге освоил, и в электрике разбирается.

Тот же Игнат кроме как драться, прыгать и стрелять, ни на что не способен. Даже руководитель из него так себе. По выслуге ему бы уже полувзводом командовать, а он все в десятниках ходит. Хотя, конечно, его понять можно. Последний из стаи рыжих лесных лисиц, он был носителем огня стаи, и этот огонь буквально жег ему пятки. Пока не женится и не заведет кучу лисят – не уgomонится. А жениться-то ему и не на ком. Бурым или степным лисам он не ровня, у них стаи многочисленные. Да и ни к чему им соперник. Обычную женщину он с его характером найдет нескоро. Кошеем даже кицунэ² из Японии притащил, а вдруг сложится? Но не срослось. Одна надежда на детей Васи и Александры. В них тоже кровь рыжих лисиц, с любым из их детей разделить пламя можно. Можно понять всю глубину чувств Игната к племянникам. Был бы цел – ни за что бы Сашку на полосу не пустил. Да и Василий уже игрушку опробовал и пребывал в бессознательном состоянии.

Мысли Кошеем плавно перетекли на Александру, а с нее, как водится, на Василису. А вот Василиса бы... А что Василиса? Понятно, что ей даже в голову не пришло бы с пацанами по утрам бегать, прыгать и в грязи ползать. А ну ее к черту, эту Василису! Вот Александра...

Тут Кошеем бросил недоуменный взгляд на пустую бутылку и потряс головой.

Александра!

Сразу вспомнилось, как он ее в руках держал, как от нее пахло – женщиной, как нежно она прикоснулась к его лицу. Пальчики белые, тонкие, хрупкие. Как глаза распахнулись, засветились, зрачки расширились. Как она на него посмотрела! Или показалось? А может, не его и увидела. А еще резко вспомнилось, как среагировал мужской организм на близость женского тела, предательски, прямо скажем, среагировал. А штаны мягкие, облегающие – позор-то какой! Пришлось выпустить ее побыстрее. Кажется, ляпнул какую-то ерунду и уполз зализывать раны. Хоть бы не заметил никто.

Прогнула рядом кровать – пришел Баюн. Как только прокрался незаметно? Умеет, когда захочет.

– Ну что, старый, на пенсию не пора? – поинтересовался кот, нагло развалившись на Кошеевой постели и подталкивая его в сторону пушистой задницей.

– Ну что, жирный, на диету тебе пора, – в тон ответил Кошеем. – Отрастил пузо, кровать аж скрипит.

Кот ничего не ответил, только потянулся. Они были совершенно довольны друг другом.

– На швейный цех переключи, – попросил кот спустя некоторое время.

Кошеем переключил и тут же оживился. В мастерской обнаружилась Александра, что-то вычерчивающая на куске ткани.

– Хор-р-рошая девочка, – муркнул кот. – Хозяюшка. Мастер-р-р-рица.

Посмотрел искоса на Кошеем, хвостом махнул – услышал ли? Но Бессмертного больше интересовало, как грациозно Александра, одетая в коротенькие шорты, склоняется над столом. Жарко, да. Июль, заповдень. В спальне-то кондиционер установлен. А в мастерских духота, хоть и окна настежь. Вот Александра воровато оглянулась, дверь подергала (заперто), окна прикрыла да жалюзи задернула – все равно ни ветерка из них. И стянула через голову футболку,

² Японская лиса-оборотень

промокнула ей лоб, вытерла шею. И кинула на стул. Тут даже кот глаза выпучил, что уж о Кощее говорить?

А бюстгальтер у нее был далеко не целомудренный. Какого-то пепельно-голубого оттенка, кружевной. И размер... под футболкой и не заметно, а ведь грудь очень привлекательная. Вот девушка встала, потянулась, волосы распустила, переплела косу. Размяла затекшие плечи, сделала зарядку. Бессмертный затаил дыхание.

Села за швейную машинку. По гладкой девичьей спине стекали струйки пота. Кощей шумно вздохнул.

Александра работала быстро, да и жара, ее видимо, измучила. Вот она надела футболку, сложила свое рукоделие и покинула мастерскую. Кощей молча выключил телевизор, встал и скрылся за дверью ванной комнаты. Послышался шум текущей воды.

Если Бессмертный не спускал глаз с девушки, кота заинтересовало совсем другое. «Что же она шьет?» – спросил у себя кот и, недолго думая, выпрыгнул из окна и поскакал к Сашке в комнату. Просочился в щель (плевать, что на ключ заперто, он ведь волшебный кот), запрыгнул на спинку кресла – что же она там так внимательно разглядывает? От увиденного вытаращил глаза и рот открыл.

В руках у Александры было волшебное зеркало, давно списанное как неисправное. А в зеркале – ежки-матрешки – был Кощей. В душе.

Александра с интересом разглядывала мужское тело. Запрокинутое лицо, закрытые глаза, струи воды, стекающей по лицу, по плечам, по животу. На самом интересном месте зеркала поместило черную табличку с надписью «Censored». Девушка непристойно выругалась.

Ай скромница, ай разумница!

Тем временем зеркало сменило ракурс и так же медленно показало обзор кощеева тела со спины. На этот раз без купюр. И очень-очень четко. Черная татуировка китайского змея на предплечье, шее и части спины – красивая, завораживающе живая. Казалось, змей жмурился и водил боками, наслаждаясь купанием. Круглый след от пули под лопаткой, и неровный шрам от стрелы на плече, и шрам на боку от турецкой кривой сабли. И затылок, и широкая спина, и крепкие ягодицы с ямочками, и волосатые бедра, и лодыжки. Александра мечтательно вздохнула, проводя пальцами над стеклом, словно желая прикоснуться к мужскому телу. И снова лицо под струями воды: мокрые ресницы, сомкнутые губы. А потом зеркало пошло помехами, мигнуло и погасло.

– Ах ты ж мерзкое стекло, – прошипела Сашка, а потом совершенно неприлично хихикнула.

Отложила зеркало, оглянулась и встретила взглядом со стеклянными глазами обалдевшего кота.

– Подглядываешь? Ах ты комок шерсти! – возмутилась девушка, бесцеремонно стаскивая древнее магическое животное со спинки кресла себе на колени. Кот даже мяукнуть не успел, как Сашка запустила пальцы в густую черную шерсть и принялась его чесать, гладить и теревить. Никому другому Баюн такого бы не позволил, но девушки есть девушки, и вообще эти ласки были очень приятны. Разомлевший кот мурлыкал, привалившись к животу девушки, мстительно представляя, как бы позавидовал ему Кощей, если б видел.

– Скажи мне, кот, – после долгого молчания произнесла девушка. – Я совсем ненормальная, да?

– Почему это?

– Все говорят, он страшный. Он злодей. Подлец. А мне он нравится. Очень.

– Я заметил, – насмешливо мяукнул кот, не открывая глаз.

– Чтобы ты понимал, мой шерстяной друг, – фыркнула Сашка. – Ты же кот. Тебе неведомы человеческие чувства.

– Как это неведомы? – возмущенно подскочил кот. – Вы, люди, такие же животные, только без шерсти и на двух ногах! Так же испытываете голод, жажду, холод, так же ходите в кустики, так же привязываетесь друг к другу, так же рождаете детенышей и готовы жизнь за них отдать. Чем вы лучше нас? Убиваете из жадности или развлечения! Ненавидите друг друга! Завидуете! Гадости друг другу делаете!

– А как же любовь? – тихо спросила Саша.

– А любви вы бы поучились у собаки, – отрезал кот. – Ей все равно, худой ты или толстый, умный или глупый, красавец или урод. Она любит тебя за то, что ты есть. И прощает. И жизнь за тебя отдаст. Много ли людей так поступают?

– А наука? – не сдавалась девушка. – А техника? А медицина?

– От вашей техники только экология страдает, – ворчливо ответил кот. – А медицина – вообще глупость. Любое животное знает, какую травку от какой болезни съесть, а уж где найти живую или мертвую воду и подавно.

– Любое, ага, – закивала Сашка. – Ты уж не заговаривайся.

– Хорошо, – согласился кот. – Не любое. Я знаю, а на остальных мне плевать.

– Во-о-от! – торжествующе воскликнула Сашка. – Тебе плевать на других! А люди – ну хотя бы часть – и зверям помогают, и о других людях заботятся. О стариках, об инвалидах, о бедных. Где это видано, чтобы собака чужой больной собаке еду носила? Скорее уж загрызет, чтобы не мучилась!

Кот обиженно засопел, но что ответить, не знал.

– А еще люди создали искусство! Музыку, живопись, литературу! Ты-то небось сказки чьи рассказываешь? Че-ло-ве-чес-кие!

– Ой всё, – обиженно буркнул кот. – Ты меня еще в плагиате обвини. А сама вон за мужиками в душе подглядываешь.

Когда не знаешь, что сказать – переведи стрелки на другого.

– И подглядываю, – согласилась девушка. – И не жалею. Получила эстетическое удовольствие. И вообще мне для дела нужно. Кстати, кот, погляди-ка.

Сбросив кота с колен, девушка развернула сверток и показала коту мужскую рубашку славянского кроя.

– Думаешь, подойдет? – с сомнением спросила она.

– Ой ты гой еси, красна девица! – радостно выдал кот. – Выкройку из архива брала?

– Ага, – кивнула Сашка. – Обычную-то мне без снятия мерок не скроить. Да и вышивка на деловой сорочке странно смотреться будет.

– А холстину где купила? – склонил голову на бок кот, осторожно трогая рубашку лапой.

– Сама соткала, естественно. Нитки, правда, покупала, но русалки мне их перемотали. Сам же знаешь, нить, русалками перемотанная, заговоры да обереги навечно держать будет.

– Ничего себе! – поразился кот. – Вот ты заморочилась! А зачем?

Вопрос был сложный, и Сашка предпочла пропустить его мимо ушей.

– Вроде должно подойти, – задумчиво сказала она. – По вороту и подолу вышивку пушу обережную... Должно неплохо выйти.

– И непременно вышивай на растущую луну, – кивнул кот.

– Сама знаю, не дура. Чай не простая девка, а Марья Искусницы наследница.

– И приворотных заговоров не вплетай, – посоветовал кот. – Кощей не дурак, сразу увидит.

Сашка только фыркнула. Не говорить же коту, что нить для вышивки русалки с ее волосом сплели. Для чего тут любовный заговор, если вся рубашка ее любовью напитана. Да и над полотном она пару раз поревела – слезы свои вложила. А попробуй не пореви, когда проклятый ткацкий станок на ладан дышит. Васька дважды ремонтировал. Ведь станок должен только из рябины быть, иначе большой силы оберегам не будет.

Хорошо, что про швейную машинку ни в одной инструкции не сказано – что не запрещено, то разрешено. Осталось только расшить, это самое легкое. Не раз и не два вышивала обереги брату, правда, не так масштабно. Платок в основном, или браслет. Смешно сказать, Васяка даже трусы просил с оберегом – от нечистоплотных дам. Вышила, конечно, хоть и смеялась.

Две ночи вышивала, два дня не могла набраться храбрости. На третий день решилась.

Жаль, зеркало не работает, нельзя Кощея в коридоре выловить. Пришлось опять кота о помощи просить, чтобы свистнул, когда Кощей один будет. Кот свистеть не умел, а потому ему пришлось мчаться по коридору с топотом, распугивая народ, чтобы сообщить Сашке, что Кощей засел в библиотеке над каким-то фолиантом, а Елизавету прогнал, чтобы над душой не стояла.

Минут пять Сашка нерешительно топталась под дверью библиотеки, а потом подумала «Какого черта! Не соблазнять же я его иду в самом деле!» и зашла.

– Вон пошел! – рявкнул Кощей, услышав скрип двери.

Он стоял на лестнице, пытаясь с верхней полки извлечь заманчиво чернеющую корешком нужную книгу. Лестница была коротковата, роста Кощей был не богатырского, книга стояла плотно, выковыривалась с полки с трудом. А тут еще ходят тут всякие, отвлекают. Незванный гость вон не пошел, и Кощей со вздохом обернулся.

Ух ты! В дверях стояла Александра. Александра была в голубом платье в белый горошек. В платье он видел ее впервые, или внимания не обращал.

– Чего надо? – нелюбезно поинтересовался Бессмертный, спускаясь с лестницы.

Сашка плотно закрыла дверь, незаметно (как ей казалось) повернув защелку.

– Константин Адамович, я вас поблагодарить хотела. Вы мне жизнь спасли, – сказала девушка, почти не волнуясь. – Вот.

Подошла к нему, неподвижно стоящему возле лестницы и мрачно на неё смотревшему, и сунула в руки сверток.

– Ничего я тебе не спасал, – недовольно ответил Кощей.

– Как это не спасал? – вскинулась Сашка. – Вы меня поймали, когда я вниз своей неразумной головой с полосы препятствий летела!

– И ничего бы не случилось, – недовольно ответил Кощей, вертя в руках сверток. – Подумаешь, шею бы себе свернула. У нас вода живая есть.

– Живая вода компрессионный перелом позвоночника не излечит, – возразила Сашка. – Если уж на то пошло, то и мертвая тоже. Она раны заживить может и руки обратно прирастить. Даже голову прирастит, а с внутренними повреждениями не справится.

– Так на то маги есть, – ответил Кощей.

– И маги не всесильные, – развела руками Саша. – Ну оживили бы меня. В лучшем случае пару лет реабилитации, в худшем – инвалидное кресло. Так что... спасибо.

– Ну раз так, то ладно, – ухмыльнулся Кощей. – Только неправильно ты, девица, добра молодца благодаришь. Ну мы люди не гордые, сами благодарность возьмем.

Шагнул к Сашке, притянул ее свободной рукой да крепко в губы поцеловал. Тут же отступил, смотрит внимательно – вдруг разревется или истерику устроит. Сашка только оцепенела от неожиданности, во все глаза на него уставилась. Настроение у Кощей стремительно повышалось.

– А тут у нас что? – поинтересовался он весело, разворачивая подарок.

Рубашка. Заговоренная. С вышивкой обережной.

– Это мне? – сипло спросил Кощей. – Сама расшивала?

– Сама ткала, сама шила, сама расшивала, – автоматически ответила девушка, еще не пришедшая в себя.

Коцей кивнул, смял рубашку в руках, зажмурился и выскочил из библиотеки, как будто за ним черти гнались, даже не заметив, что дверь заперта была. Сашка посмотрела ему вслед и расплакалась.

7. Откат

Проревела Сашка полдня, заперевшись у себя в комнате. Встревоженному коту ничего внятно объяснить не смогла, только прочь прогнала, да еще в след подушкой кинула. И больно, и обидно, и удивительно, что попала. «Сумасшедшие людишки», – буркнул кот и пошел к Кощей жаловаться.

Кощей всё разглядывал рубашку, бережно водил пальцами по узелкам вышивки, разглаживал складки, рассматривал плетения нитей. Не удержался – зарылся лицом в ткань: пахло свежестью, Александрой, сильным волшебством и немного русалочьим духом. Волшебство он умел отличать по запаху. Злые, черные чары (на смерть ли, на болезнь) пахли морозной елью, затхлым прудом и металлом – в зависимости от действующего заклинания. Любовные, конечно, цветами – розой, лилией (от лилии Кощей чихал), жасмином. Обережные – теплым хлебом, молоком, свежей травой, летним ветром, если мать или сестра вышивала. Если на заказ вышито было – той же травой, только скошенной. На заказ редкие мастерицы вышивали. Считалось, что силы от такой вышивки немного. Разве что девушка совсем вышивать не умела, тогда она сама или нитки пряла, или холст ткала.

От вышивки, которую делала возлюбленная, запах был еле заметен. Слишком много тайного вложено, то, что на людские глаза выносить не следовало. Чуть слышный запах девичьих волос, лесной малины, колодезной воды. Есть ли здесь запах малины – вот что волновало Кощей.

Не вовремя ввалился кот. Надое! Все время под ногами путается. Кощей принял независимый вид, но рубашку из рук не выпустил.

– А Сашка твоя рыдает как полоумная, – наябедничал кот.

– Чего это она? – спросил Кощей.

– Расстроился, что подарок не понравился, – пояснил кот. – Думает, поди, что выкинул или сжег. А она старалась.

– Как это не понравился? – страшно удивился Бессмертный. – Да я там чуть не разревелся от счастья как мальчишка.

– А ты ей об этом сказал, или выскочил как оголтелый? – поинтересовался Баюн, прекрасно разглядевший все с камеры. – Что она должна была подумать?

Кощей бережно сложил рубашку, спрятал в шкаф. Немного подумал, перепрятал в сейф. Кот следил за его действиями с удивлением.

– Тебе чего, первый раз рубашку подарили? – наконец догадался он.

Кощей пожал плечами и отправился к Сашке. В самом деле, чего она так распереживалась?

Сашка уже не плакала – злилась.

– Ненавижу, – бормотала она, яростно разрывая в клочья эскизы и выкройки. – Скотина неблагодарная! Сухарь вяленый! Пряник плесневелый! Вобла тухлая! Чтоб тебе пусто было!

– Надеюсь, не мне? – поинтересовался Кощей, с легкостью вскрыв замок и заглянув в дверь.

Посмотрел на разбросанные по комнате клочки бумаги, присвистнул. Сашка обожгла его взглядом и продолжила рвать бумаги, бормоча проклятья себе под нос.

– Саш, ну ты чего? – примирительно спросил Кощей, взяв ее за плечи.

– Я, если хотите знать, эту рубашку две ночи расшивала, – выкрикнула Сашка. – Ткань ткала, все ногти поломала. Станок заедало постоянно. А Вы! А Вы! Вы ее смяли! Поди еще смеялись надо мной, да?

Снова из глаз полились слезы от обиды и несправедливости.

А ведь это эмоциональный откат – понял Кощей. Девчонка столько силы в рубашку вбухала, от чистого сердца старалась, да еще и в короткие сроки. По традиции, вышивают долго, месяц, а не то всю зиму, потихонечку. А когда такую вещь девушка парню дарит – это обычно в постели заканчивается. Надо мастерице силы пополнить, а сексуальная энергия, как известно, самый мощный стимулятор.

Нет, Кощей помнил, что рубашки да полотенца и богатырям дарили в благодарность за подвиги ратные. Не сестры и не матери – простые женщины. И про постель в этом случае никто не думал. Вот и Саша ему подарила. Как богатырю.

– Успокойся и сядь, – прикрикнул отчего-то уязвленный Кощей на девушку. – Чего разоралась? Понравилась мне рубашка, понравилась.

– Незаметно что-то, – буркнула Сашка, выразительно его оглядев.

– А что ты думала, я такую ценную вещь просто так носить буду? – удивился Бессмертный. – На праздник надену.

– Ага, на похороны свои, – поджала губы девушка. – Я не для того с ней корячилась, чтобы она в шкафу валялась.

Саша плюхнулась в кресло, нахохлилась, однако плакать перестала. Кощей присел рядом, на пол. Ближко-близко к стройным загорелым ногам – Сашка снова была в шортах.

– Ну хочешь я ее сегодня надену? – примирительно сказал он, заглядывая ей в глаза.

Не выдержал искушения, провел ладонью по девичьей ножке.

– Хочу, – угрюмо ответила Саша, скрещая руки на груди.

Голова у Кощей была как в тумане. Близость этих сумасшедших ног пьянила как вино, заставляла вытворять глупости. Кому-то, определенно, долгое воздержание в голову ударило. Но ведь девушка не против?

– А что люди скажут? – хрипло спросил он, не сводя с нее глаз. А рука сама по себе выписывала узоры на Сашкиной гладкой как шелк коже.

– А вам не все ли равно? – подняла брови Сашка.

– Мне-то все равно, – согласился Кощей. – А твою руку кто-нибудь да узнает.

– И чего? – фыркнула девушка. – Я ж ничего такого... не имела в виду...

– Плохо, что не имела, Александра, – не выдержал Кощей. – Очень плохо.

Александра широко раскрыла и без того огромные голубые глаза и внезапно обнаружила его руку на своем бедре. Вопросительно, не поняв пока ничего, поглядела ему в глаза. Как-то невесело усмехнувшись, Кощей опустил голову и поцеловал ее коленку. Александра ахнула придушено. Не от возмущения, а от огня, в животе вспыхнувшего.

«Что я делаю, болван?» – с ужасом думал Бессмертный, рывком стягивая девушку с кресла. Сжал податливое тело, потянул за косу, заставляя Александру запрокинуть голову. Поглядел на полураскрытые влажные губы, на изумительной красоты глаза, на раздумянившиеся щеки – какой мужик устоит? Он не устоял. Не железный же он в конце концов. Жадно целовал, стискивал в объятьях, не давая вырваться.

Как будто она думала вырваться! Напротив, у Сашки голову снесло напрочь. Сама отвечала на жаркие поцелуи, сама руки под его футболку запустила, вокруг него обвилась лозой. Только б не останавливался!

Кощей очнулся, когда стаскивал с девушки шорты вслед за майкой. Сам он уже был полуобнажен, где была его футболка, даже не понял. Зато отчетливо понял, где были Сашкины руки. На ремне его джинсов. На него как будто ушат ледяной воды вылили.

Ведь не сама она, это откат! Не раз и не два Кощей таким откатом пользовался. Когда ведьма много сил отдает – после лечения ли, после заговора, после изготовления сильного зелья – соблазнить ее легче легкого. Сама в объятья падает, ей все равно, какой мужик, лишь бы хоть немного люб был. Оттого и колдуют ведьмы в лесной глуши, подальше от людей. А если учесть, что самое сильное колдовство творится в обнаженном виде – у женщин, конечно,

мужчинам проще – забирались ведьмы чуть не на лысую гору, да ограды ставили. Знали о своей слабости. Кощея никакие ограды остановить не могли, да и чаща ему нипочем, вот и пользовался моментом, бывало. И нисколько об этом не сожалел. Хотя и был проклят неоднократно. И бит был несколько раз.

Но вот поступить так подло с девушкой, сделавшей ему такой царский подарок, он не смог. Хотя хотелось очень. Неимоверно хотелось. Интересно, она тоже голая вышивала?

Саша и не поняла ничего, потянулась к нему, прильнула, выдохнула в шею.

– Александра, не надо, – прошептал он. – Остановись!

Обиженный взгляд, дрожащие губы.

– Да пойми ты, – сказал как можно убедительнее. – Не ты это, не твои желания. Это эмоциональный срыв от заговора. Много сил потратила, организм стремится восстановить энергию.

Девушка смотрела на него обиженно, кусала губы и не хотела верить.

– А у тебя тоже откат? – прищурилась она.

– Нет, у меня не откат, – признался Кощей. – Я сам... воспользовался ситуацией. Прости. Больше не повторится.

Прилетевшую пощечину воспринял философски – заслужил, ничего не скажешь.

– Вон пошел! – прошипела Александра, внезапно щелкнув острыми, как у лисицы зубами. Волосы у нее стали вдруг рыжими, глаза пожелтели, а руки стали обрастать шерстью.

Ну, только этого не хватало! Сашка не зря занималась на одном уровне с парнями – сил, чтобы вытолкать Кощея из комнаты и с грохотом захлопнуть дверь, у нее хватило.

– Откат у него! – бесновалась Сашка. – Ситуацией воспользовался! ОН воспользовался, поглядите-ка! И сам не воспользовался, и другим не дал!

Сейчас было даже обиднее, чем с рубашкой. От нее отказались как от женщины. Отвергли. Да еще прощения попросили и обещали больше так не делать. Импотентом он явно не был – все, что надо, функционировало исправно. Это она успела понять. Тогда почему? Неужели... не понравилось?

– Ничего, сейчас не понравилось, в следующий раз понравится, – злобно сказала Сашка, застегивая шорты. – В следующий раз будет как я хочу. В следующий раз Я воспользуюсь ситуацией. И будь уверен, дорогой мой, не отступлю.

На кресле обнаружилась футболка Кощея. Девушка схватила ее, понюхала и не удержалась, надела. Взмахнула рукой – все бумаги на полу мгновенно вспыхнули и осыпались пеплом. Прошла пылесосом по комнате, удовлетворенно кивнула и пошла в комнату к Вике.

Конечно, Вики в комнате не оказалось. Конечно, комната была заперта. Но злая Сашка просто рванула дверь, вырвав замок. У Вики было на редкость чисто – видно, домовые постарались. Сашка уселась на кресло и принялась ждать подругу. Ближе к полуночи от дверей раздалась матюги – русалка вернулась.

– Сашка? – изумленно спросила Вика. – А ты чего такая?

Сашка только пожала плечами.

– Это чего, футболка Кощея? – вытаращила глаза русалка. – Ты, мать, совсем рехнулась? Уже вещи ворует? Хоть не из грязного белья?

– Я ее лично с Кощея сняла, – отрезала Сашка.

Вика открывала и закрывала рот, как рыба, не зная, что и спросить. Ну Сашка, ну тихоня!

– А он чего? – наконец выдавила она.

– А он сбежал, – холодно ответила Сашка. – Не надо вопросов. Гони свое зелье. На сон наведенный.

– Завтра только, – растерянно ответила Вика. – Сегодня-то уж не напоить его.

– Завтра так завтра, – покладисто согласилась девушка, разминая пальцы. – Подождем.

– Са-а-аш, ты только в футболке этой к людям не выходи, – посоветовала русалка. – Брат тебя убьет.

– Ладно, – кивнула Саша. – Я в ней теперь спать буду. Это мой трофей.

И ушла. И спалось ей в эту ночь просто замечательно.

А Вика долго еще смотрела в пустоту, пытаясь понять, как вообще у Сашки могло что-то получиться с Кощеем. КАК она это сделала? А ведь у нее и губы опухшие. Неужели целовались? Да судя по футболке, дело куда дальше зашло. Значит, сбежал Кощей. А Сашка рвет и мечет. А почему он сбежал? В отличие от Сашки, спалось русалке прескверно. И давать подруге зелье почему-то стало очень страшно.

8. Тропа войны

Рано утром – пока жара не захватила мир вокруг – Кощей вышел на пробежку. Раз решил в форму возвращаться, значит нечего тянуть. А с бойцами пробежаться сам Бог велел. Пусть на него поглядят, да боевой дух, глядишь, поднимется. Ну и вообще... нужно быть ближе к народу. Особенно к одной светловолосой девушке, конечно.

Бойцы выглядели... помято. Примерно треть все еще отходила от полосы препятствий. В синяках, в фиксирующих повязках, в лангетах. Черномор в полосатой майке и шортах что-то говорил. Кощей встал в переднем ряду, одетый как все – в одни шорты и кроссовки. Парни тоже не отличались обилием одежды. Сашка, стоящая через три человека от него, была в белой полупрозрачной футболке, под ней – черный спортивный топик. Волосы заделаны в какую-то дульку.

Кощею очень хотелось ей объяснить, что надевать короткие трикотажные шортики в компанию вечно озабоченных оборотней не самая хорошая идея, но немного поразмыслив, он решил воздержаться от нотаций. Она ему не сестра и не жена, пусть брат ее мораль блюдет.

– Убогие направо! – скомандовал Черномор. – За Игнатом бегом марш на малый круг.

Инвалиды, хромая, порысили в поле.

– Труссы на разминку становись!

Кощей стойко вынес получасовую разминку.

– На полигон бегом марш! – рявкнул Черномор.

И сам побежал впереди.

Бежать было несложно. Все-таки физическая форма у Кощей была не в пример лучше, чем у молодежи. Да и само тело было скроено чуть иначе – не коснулись его сотни лет естественного отбора. Пожалуй, он, да еще Черномор, да еще с десятков престарелых вампиров, да может быть еще пара десятков древних были слеплены по старым меркам. Сильнее их в мире не было. Оттого и был уверен в себе на полосе. Кощей старался бежать в толпе. Впереди всех, отставая на пару метров от Черномора, легко мчалась миниатюрная японская девица, за ней пара самых молодых оборотней. Кицунэ была вынослива и легка, а молодые просто неопытные. Остальные старались экономить силы. На третьем километре с лиц бойцов исчезли улыбки, прекратились разговоры. На пятом толпа растянулась. Кощей заметил, что Сашка почти выбилась из сил. Неудивительно – во-первых, она женщина, во-вторых – силы после колдовства не восстановились еще.

– Александра, отстаешь, – бодро крикнул Кощей и, схватив ее за одну руку, а какого-то выдохшегося паренька за другую, потащил их за собой как на буксире.

Александра вяло материлась, перебирая ногами. Добежали одними из первых, вместе с японкой и еще несколькими бегунами. Тяжело дыша, Александра упала на землю, из глаз катились слезы, легкие горели огнем, хотелось сдохнуть. Но жестокий Черномор не разрешил валяться на земле, заставил подняться и махать руками и ногами.

– Девочку на неделю освободи от занятий, – вполголоса сказал Кощей Черномору. – У нее был выброс силы, ей надо восстанавливаться.

– Понял, – коротко ответил Чернов.

У Сашки даже злиться сил не было. Знал ведь, но все равно тащил! До завтрака оставалось два часа. Нормальные люди поплелись досыпать, а Сашка поковыляла к русалочьему озеру.

– Девочки, спасайте, – взмолилась она. – Помираю!

Русалки Сашку нежно любили, как любили всех рукодельниц. Она плела им косы, дарила бусы, приносила пряжу и учила вязать браслеты. Русалки в свою очередь иногда делились с ней целебными водорослями – сами выращивали, помогали с нитками, да и просто болтали.

Вот и сейчас озерные девы затащили Сашку в воду, обмазали какой-то вонючей кашей, вымыли ей голову, размяли тело. Сашка даже немного задремала. Как заново родилась! Волосы сияют, кожа нежная, бархатистая, в теле легкость, в голове звенящая пустота.

– Скажите мне, девочки, как Кощея приворожить? – спросила на удачу Сашка.

– Ко-о-о-още-е-е-я? – протянула черноволосая Марьямь. – А зачем тебе этот старый пенёк?

Сашка уселась на камень, задумчиво поболтала рукой в чистой воде, отгоняя головастиков.

– Сама не знаю, – призналась девушка. – Только как вижу его, здесь – в груди – тепло. А когда не вижу, словно пусто и холодно. Мимо проходит – огнем опалает. Взглянет черными своими глазами, коленки дрожат. А как целует, голова кругом, себя не помню.

– Александра, ты влюбилась, – констатировала Галла, пухленькая русалка-плакунья.

– Ага, – не стала спорить девушка. – Так и есть. Скажете, что я совсем дурочка?

– Почему? – удивилась Марьямь. – Любовь – это прекрасно. Все мы когда-то любили. А Кощей мужчина видный да ласковый.

Александра аж глаза вытаращила.

– То есть вы не считаете Кощея плохой партией? – уточнила она.

– Кощей – это тебе не юный оборотень, – пожал плечами Марьямь. – Да, не молод, но далеко не стар. В любви опытный, горячий, тело красивое, крепкое, всё как надо работает. Не пожалеешь!

– Тьфу ты, – вздохнула девушка. – Я о любви, а она о постели.

– А в постели не любовь разве? – хитро улыбнулась русалка. – Коль в постели не заладится, ни одна любовь жить не будет.

– Не получается у меня с постелью, – призналась Сашка. – Сбежал он.

– А ну расскажи, – мгновенно оживились русалки.

Сашки и рассказала.

– Значит так, – наперебой заговорили русалки. – Теперь внимания на него не обращай. Кощей мужчина гордый. Он начнет волноваться.

– Да только совсем неприступность не строй, он ведь после Василисы на голову пришибленный. Хорошо его эта стерва потрепала, всю душу ему сожрала. Та еще русалка была.

– Какая-токая Василиса? – напряглась Сашка.

– Ой, давно это было, – отмахнулись девочки. – Лет сто назад, а может и тыщу.

– Одеваешься ты, Сашка, как пацан, – качали головой озерные девы. – Платье не носишь.

– Вот чтобы платье сегодня же надела! И туфли. А кроссовки свои спрячь. И волосы красиво причеши. И не смотри на него, не смотри. Но в коридоре рукой задень. Или в глаза погляди, быстро так. И сразу взгляд отведи, и ресницами взмахни.

– Ой, Сашка, завтрак пропустишь!

Да какой тут завтрак!

Платье, платье нашлось. Совершенно безобразное платье. Узкое, по фигуре, с открытой спиной, на взгляд Сашки вызывающее и чересчур открытое. На взгляд Вики – никакое. На взгляд Бессмертного – очень даже красивое. И вообще вся она была на обеде какая-то... как снежная королева. Недоступная. Красивая. Босоножки на высокой танкетке, на тонких шиколотках ремешки. Платье, подчеркивающее и тонкую талию, и округлые бедра, и грудь. Открытая спина, а на левой лопатке – рой мерцающих бабочек. Села сегодня с девушками за стол. Парни чуть шеи не посворачивали.

Хороша Саша, да не ваша. Чья – пока не решил.

На Кощея не смотрит, а ведь он в рубашке расшитой вышел. Черномор хотел что-то спросить, да напоролся на колющий взгляд и передумал. Вообще сделался очень задумчивым и ел молча. Аппетита у Кощея не было, еда казалась пресной. Александра, напротив, кушала

хорошо, весело болтала с девушками. Рассмеялась звонко на какую-то шутку, Кощей показалось, что пол зала вздохнуло. Поймал внимательный взгляд Черномора. Посмотрел на погнутую вилку в руках, пожал плечами.

Вот Сашка закончила обед, направилась к выходу. Бросила на Кощея быстрый взгляд. Холодный. Обжигающий.

А следом встал Василий и, подхватив сестру под локоть, вывел из столовой. Похоже, кому-то сейчас влетит.

Брат больно ухватил за плечо – пальцы как железные, синяки поди останутся.

– Как это понимать, Александра? – грозно спросил он. – Почему на Кощее твоя рубашка?

– Это не моя рубашка, – вяло отмахнулась девушка. – Моя ему не влезет. Да отпусти ты, черт! Больно ведь!

– Не ерничай, Сашка, ты рубашку расшивала, – не повелся брат. – Я твою руку знаю. Совсем сдурела? На кого лезть вздумала?

– О чем ты вообще, Вась? – ласково, как убогого, спросила Саша. – Он мне жизнь на полосе спас, я ему рубашку в благодарность расшила. Что не так-то?

– А зачем ты, малахольная, на полосу сунулась?

– А ты зачем, Мастер?

Василий замолчал, смущенный. Он уже и сам знал, что надо ему из воинов уходить в мастера. Дар его не любил насилия и крови. Один раз убьешь человека – и уйдет дар. Отец предупреждал. Но ведь контракт! То, что в начале казалось манной небесной, было теперь огромным камнем на плечах. Нет, Василий не жалел. Да и везло ему пока. На трех операциях он был, все три раза за него Игнат заступал. Но рано или поздно везение кончится.

– Сам знаешь, я как ты, – убедительно сказала Сашка. – Если зажглась, сделаю. Если говорит сердце мое, что надо человека отблагодарить, то руки сами делают.

– Понравилась, знать, рубашка ему, – задумчиво ответил Вася. – Да и хороша, сказать нечего. А платье-то зачем?

– А тут, Вася, у меня беда, – вздохнула Саша. – Лисица во мне пробудилась. Не было-не было, а пробудилась.

– Да иди ты! – изумился Васька. – Я уж надеялся!

– И я надеялась, – коротко согласилась Саша.

– Держись, – вздохнул брат. – Будет тяжело.

– Знаю.

Звериная часть у оборотней живет инстинктами. Есть, спать, бегать... найти партнера. Особенно силен зверь в период становления – у оборотней это обычно половое созревание. И без того гормоны бушуют, еще и зверь огня добавляет. Потом зверя надо под контроль брать. Полуоборотням легче, их звери слабее. А у Сашки еще и с либидо полный порядок. Был. До всей этой ерунды с поцелуями. Мужчины ее интересовали мало, хотя и были у нее парни. Да и как не быть, когда вокруг такой выбор? Но не сложилось, расстались полюбовно, остались друзьями. А теперь... лисица ли проснулась от Кощеевых поцелуев, или наоборот, от того, что лисица наружу просится, началось всё?

Да какая разница. Саше нужен Кощей. И она его получит. Хотя бы во сне.

Вике было не по себе, но зелье стоило опробовать. Если уж на Кощее сработает, то можно в продажу выпускать. Они с Русланой уже давно хотели со своими «микстурками» на рынок магических атрибутов выйти, да зелий на аукционах каких угодно навалом. Никто на нового продавца не клюнет, надо начинать с «бомбы». Вот она, «бомба», в руках. Выстрелит – мало не покажется. Девушка вздохнула и отправилась к деду. У кого еще Кощей из рук возьмет чарку, не проверяя ее содержимое?

– Деда, ты не занят? – сунула голову в дверь Вика.

– Тебе я всегда рад, Викуля, – ответил Черномор, откладывая книгу. – Проходи, милая.

Вика прошла, села в любимое кресло, потянулась как кошка, огляделась. Черномор консервативен. Всё здесь было как в ее детстве – тот же потертый ковер на полу, те же кресла, те же обои и панели из мореного дуба – как в старом фильме про Шерлока Холмса. Узкая металлическая кровать у стены – дед ни в какую не хотел ее менять на более современную. Раньше только еще везде игрушки валялись, и детская кроватка в углу стояла. Черномор внучку нянчил сам.

– Скажи мне, дед, – задумчиво сказала Вика. – А как так вышло, что ты тоже бессмертный? Ты ведь не Кощей, не эльф какой-то... даже не Мороз Иванович. Отчего так вышло?

– Вик, это не самая приятная история, – поморщился Черномор.

– Напугал русалку страшной сказкой! – хмыкнула Вика.

– Да, русалку моей историей не напугаешь, – согласился дед. – Не думал с такой точки зрения. Ну слушай. Русь, татары. Отца убили, мать на сносях в лес убежала. Татары за ней погнались, она с обрыва в речку и бросилась. И чего, дура, испугалась, татары баб не насиловали, вроде. Ну, забрали бы ее с собой, велика беда...

– И что?

– Утонула, – буднично сказал Черномор. – Или шею сломала. Русалки пожалели, к источнику живой воды притащили ее. Поздно уже было, не спасли. Тогда решили хоть ребенка спасти. В общем, русалки особым умом не отличаются, утопили и ребенка. Если вдруг тебе интересно, что случается с человеком, которого топят в источнике живой воды – посмотри на меня. Сама знаешь, под водой жить могу, но не русал. Русалки меня вскормили да царю морскому отдали в сыновья. Так и жил...

– Да ты, дед, Астерикс просто! – восхитилась Виктория.

– Кто-кто?

– Забудь, – вздохнула русалка. – Ну хотя бы понятно, отчего я с ногами уродилась. С такой-то генетикой!

– Это точно, – усмехнулся дед. – Чай будешь?

– Да нет... я к тебе по делу так-то.

– Да ты всегда по делу. Нет бы просто так заглянуть, – притворно обиделся Черномор. – Ладно, что опять натворила?

– Пока ничего, – печально ответила девушка и поставила на стол хрустальный флакончик с рубиновой жидкостью.

– Что это? – с интересом разглядывал пузырек Черномор. – Трогать можно?

– Зелье наведенного сна. Трогать можно. Нюхать можно. Пить не рекомендую.

– Зачем? Кому? – Черномор поднял флакон и поглядел сквозь него на окно.

– Надо Кощею подлить.

Черномор очень аккуратно протер пузырек невесть откуда взявшимся носовым платком, поставил на стол и демонстративно спрятал руки за спину.

– И как ты собираешься это сделать? – ласково спросил он.

– Ты подольешь, – радостно ответила русалка.

Черномор был мужик опытный, поэтому не стал сразу орать и топтать ногами, просто мысленно уже прикинул, куда отправить Вику, чтобы Кощей ее сразу не нашел, успел успокоиться. Лет так на пять, а может, на десять.

– Понимаешь, это наша с Русланкой разработка, – начала объяснять Вика, видя, что дед сразу не отказал. – Лучше, конечно, в вино наливать, зелье почти безвкусное. Абсолютно безопасное – никаких побочных эффектов. Выпиваешь – и тебе снится тот, на кого это зелье сварено. Конкретно это зелье – любовное. В смысле на сексуальный сон.

Тяжелый взгляд Черномора заставил Вику поежиться и быстро пояснить:

– На Сашку это зелье, на Сашку. Она в курсе.

Мужчина перевел дыхание.

– Зачем ей это?

– Сам не видишь, какие между ними искры летят? – пожала плечами Вика.

Черномору было абсолютно наплевать на Сашку, но странный взгляд Кощея и погнутая вилка его впечатлили еще за обедом.

– Сашка вчера в футболке Кощея ходила, – сдала подругу Вика. – У нее к нему точно серьезно всё.

– Это не дает ей... и тебе... повода подливать ему любовное зелье.

– Да не любовное это зелье! – всплеснула руками Вика. – Не приворотное! Просто зелье сна! Уснет Кошей, приснится ему голая Сашка, танцующая кан-кан, или что там она удумает, и всё! Просто сон будет... интересный!

– А зачем? – снова спросил Черномор.

– Зачем, зачем! – вздохнула русалка. – Игры у них такие. Эротические. Ну вот ты мужик. Приснишься тебе ночью красивая голая баба, ты б отказался?

– Наверное, нет, – признал Черномор.

– Ну вот и Кошей порадует!

– Нет, Вик, я в ваших играх не участвую, – вздохнул Черномор. – Хочется тебе с огнем играть – играй.

– Это опытный образец, – уныло сказала Виктория. – Мы хотели на продажу его выпустить.

– Молодцы, да, – кивнул дед. – Самое первое дело – опытный образец на Кошее испытывать.

– Неее, я на себе пробовала, – сказала Вика. – Нормально всё работает. Просто предполагается, если на самом Кошее сработает, то результат гарантирован.

Черномор задумался. С одной стороны, внучка утверждает, что эликсир безопасен. С другой стороны, Кошей своими закидонами уже всех достал. Выдумал нелепость – с молодежью бегать. И так ребята покалечились (с подачи того же Кощея), еще и напуганы теперь до усрачки. Черномор не первый раз видел подобные всплески активности босса, ничем хорошим они не заканчивались. Знал он и причину подобного поведения – Кошеем скучно. Кошеем нужен отвлекающий фактор. Клад какой-то, финансовая махинация, военный переворот где-нибудь в Аргентине, всплывший на аукционе артефакт. Или банально – женщина. Если Бессмертного в ближайшее время чем-то занять, можно избежать больших неприятностей.

Артефактов в наличии не наблюдалось, военные перевороты не намечались, а женщина – вот она. При этом Кошей уже девушкой заинтересован, да настолько, что забыл свое же негласное правило – не обращать внимания на своих подчиненных. Однако если Бессмертный поймет, что им манипулируют – а ничем иным подобное зелье назвать нельзя – всем настанет Армагеддон.

А с другой стороны, он и так настанет, и неизвестно, что будет масштабней. Девушку, конечно, немного жалко, попадет под раздачу, но она уже взрослая, сама решение приняла.

– А пойдем-ка, Вика, твое зелье эксперту покажем, – поднялся Черномор. – Посмотрим, что он скажет.

– Бабе Яге что ли? – испуганно спросила Вика. – Ты что, это же конкурентка! Нельзя!

– Есть у нас эксперт, любую бабу Ягу переплюнет, – загадочно сказал дед. – Точнее пере-нюхает.

У кота в замке были свои покои, в них даже кусок дуба стоял с цепью – для памяти. Подделка, конечно, но красиво.

– Вот! – гордо сказал Черномор. – Позвольте представить, магистр травоведения и зельеварения, Баюн, кот ученый!

– Мяу! – подтвердил кот. – Чего надо?

Черномор сунул коту под нос склянку.

– Что это? – подозрительно отшатнулся кот.

– Вот ты и скажи, что это.

– Экспертное заключение немалых денег стоит, – с достоинством кивнул кот на ряд дипломов на стене.

– Это для блага отечества, – ответил Черномор.

– Времена социализма давно прошли, – раздраженно махнул хвостом кот. – На благо отечества я только спать согласен.

– Это для Сашки надо, – подала голос Вика.

– Ну раз для Сашки, давай сюда. Да куда ты ставишь, болван? На стол у стены ставь! Эй, русалка! Шевели задницей, доставай кофе с полки. А как я по-твоему банку открою? У меня лапки!

Под чутким руководством кота, наконец, пузырек был поставлен на кухонный столик, рядом стояла банка с кофе, Черномору и Вике было велено отойти в угол комнаты и не дышать. Кот осторожно понюхал пузырек. Глаза его остекленели, рот приоткрылся. Некоторое время он сидел неподвижно, как чучело, потом пару раз чихнул.

– Валериана! – гордо заявил он. – Корень валерианы. Беладонна. Дурман болотный.

Черномор закатил глаза. Кот сунул нос в кофе и снова осторожно понюхал пузырек, на этот раз без зависаний.

– Мау-мау, наведенный сон! – радостно сказал мохнатый алхимик. – Какая прелесть! Да еще и настроенный! Ребят, вы хорошо подумали? У вас есть где схорониться лет так на триста? Кощей у нас злопамятный. И бессмертный.

Вика тяжело вздохнула и в очередной раз принялась рассказывать про абсолютную безопасность.

– Мр! – поднял лапу кот, недослушав. – В смысле – ша! Все, что касается Кощей, может быть смертельно опасно. Вы не думайте, что он с возрастом смягчился. Он просто ленился. Он уже весь мир захватил. Но уверен, для вас он сделает исключение. Как говорите, эта штука подействует?

– Это теория парных осознанных сновидений, – начала объяснять русалка. – Сашка полностью управляет сном. Кощей по идее тоже может, но зелье преимущественно женское.

– Судя по травкам, зелье еще нехилый афродизиак? – усмехнулся кот. – Вы ведь понимаете, что это статья?

– Ничего подобного, – возразила Вика. – Запрещены приворотные зелья. Про наведенные сновидения ничего в кодексе зельеведения не написано.

– Пока не написано, – ткнул в нее лапой кот. – После ЭТОГО напишут.

– Тут иван-да-марья, – прищурилась русалка. – А это гарантирует обоюдное согласие. Если человеку не нравится тот, кто снится, ничего не выйдет. Проснется, или просто откажется.

– ТУТ иван-да-марья? – мгновенно сообразил кот. – Но можно и без нее?

– Можно, – призналась Виктория. – Но за очень дополнительную плату.

– Я в доле, – оживился Баюн. – Я хочу с вами сотрудничать. Возьмите меня! Лучшего эксперта вам не найти! За 50% от прибыли я готов работать днем и ночью!

– Пятьдесят?! – возмущенно завопила Вика. – Это наша секретная разработка! Это Русланкина магическая диссертация! Она сразу докторскую планирует защитить! Пять процентов как внештатному сотруднику!

– Грабеж! Мой нос – лучший анализатор! Вам аппаратура такого класса обойдется в бешеные деньги! 45%, и он к вашим услугам.

– Кот, у тебя в роду евреев не было? Ты-таки преувеличиваешь наши потребности! За такие проценты ты должен будешь пахать 25 часов в сутки! 10 и не процентом больше.

– Успокоились оба! – прикрикнул Черномор. – Решите вопрос сотрудничества потом. Когда убедитесь, что зелье работает.

– Логично, – кивнул кот. – Проверить не мешает. Советую добавить в алкоголь.

– А то я бы не догадался, – издевательски хохотнул Черномор. – Пришел бы прямо с флаконом!

– Алкоголь выступает катализатором, – радостно подтвердила русалка. – Достаточно нескольких капель для эффективного действия!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.